А. И. АНТОНОВ

СОЦИОЛОГИЯ РОЖДАЕМОСТИ

(ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ)

МОСКВА «СТАТИСТИКА» 1980

ББК 60.7
А72

Антонов А. И.

А72 Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы).— М.: Статистика, 1980. — 271 с., ил.

В пер.: 1 р. 90 к.

В книге на материалах отечественных и зарубежных исследований (а также на базе собственных исследований автора) впервые в литературе излагается теория репродуктивного поведения. Автор на основе всестороннего анализа делает попытку объяснить происходящую тенденцию — снижение рождаемости. В книге определяются пути демографической политики по стимулированию рождаемости.

Монография рассчитана на демографов, социологов, философов, социальных психологов.

А $\frac{10805-052}{008(01)-80}$ 43—79 0703000000

ББК 60.7
312

ПРЕДИСЛОВИЕ

Социологическое изучение рождаемости является частью междисциплинарного исследования и относится к анализу тех факторов, которые определяют условия реализации исторически изменяющейся потребности семьи в детях и тенденции ее изменения. Именно анализ интенсивности деторождения составляет сердцевину рассмотрения рождаемости как процесса, происходящего в системе социальных отношений. Особенности взаимоотношений между обществом как целостным социальным организмом и семьей, обществом и личностью имеют первостепенное значение для понимания исторических тенденций рождаемости, т. е. для понимания понижения или повышения интенсивности рождаемости.

Если демография изучает изменения в рождаемости, происходящие под одновременным воздействием демографической структуры населения и частоты рождений в населении, то социологический подход заключается в специальном изучении интенсивности деторождения. Поскольку среднее число детей в семье при улучшении жизненных условий и низкой детской смертности начинает зависеть в основном от уровня потребности семьи в детях, постольку изучение закономерностей изменения потребности семьи в детях выдвигается в настоящее время на первый план в социологии рождаемости.

Среднее число рождений за весь период формирования семьи является самым важным результатом репродуктивного поведения семьи. Однако социологию рождаемости интересуют и другие его результаты, такие, как, например, частота беременностей, интенсивность

дывалась ситуация, требующая преодоления противоречий модели «сознательного ограничения». Советские демографы, опираясь на принципы диалектического материализма, приступили к разрешению затруднений, обусловленных метафизическими воззрениями концепции «сознательного ограничения». Однако это произошло не сразу и не так легко, как могло показаться на первый взгляд. Работы С. А. Новосельского, В. В. Паевского, М. В. Птухи, А. М. Коллонтай и других демографов и социологов могут служить примером преодоления старых взглядов. Вклад С. А. Томилина в этом отношении является, по нашему мнению, самым значительным.

Анализ творчества С. А. Томилина с этой точки зрения является темой самостоятельного научного исследования. Здесь же хотелось бы упомянуть о глубоком выводе относительно убывания потребности индивида в детях, осуществленном по материалам первого не только в нашей стране, но и, по-видимому, в мире исследования потребности в детях. Это исследование кафедры социальной гигиены Харьковского университета, предпринятое в 1927 г., основано на методике выявления желания иметь детей в зависимости от числа уже рожденных детей. Несмотря на скудность программы опроса 119 женщин-крестьянок, С. А. Томилин пришел к выводу, который никогда не был бы получен, если бы пришлось ограничиться общими рассуждениями о помехах к «желанию иметь детей много» — «сознательное стремление матери иметь ребенка при наличии уже небольшого числа детей быстро убывает»[1].

Эта мысль противоречит многим постулатам концепции «сознательного ограничения», ее появление также стоит связать с применением С. А. Томилиным принципа историзма, с присущим ему и ярко выраженным интересом к эволюции науки. Отказавшись от «слепой веры» в «автоматизм репродукции», С. А. Томилин показал, что сама рационализация воспроизводства населения происходит стихийно и что за фактом распространения контрацепции следует видеть опасность такого стихийного хода событий, который таит возможность укрепления однодетной и двухдетной системы и связан с перспективой депопуляции.

[1] *Томилин С. А.* Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 220.

В 20-е и 30-е годы расширение объема эмпирических данных о снижении рождаемости, о практике контрацепции и абортов сопровождается все большим вниманием к показателю детности — среднего числа детей в семье. Советские демографы начинают придавать показателю детности семьи самостоятельное значение как выражению в конечном счете «воли к воспроизводству». В свою очередь это способствует интересу к дифференциации детности в разнообразных социальных группах.

Накопление новых данных о факте обратной связи между благосостоянием и детностью (о совершенно чуждом факте в системе «сознательного ограничения», о факте — аномалии) объективно вело к поискам объяснения этой аномалии. Дальнейшее развитие советской демографии показало, что дискуссии по поводу парадокса обратной связи выявили необходимость специального исследования того промежуточного звена между условиями жизни и рождаемостью, который ранее неудачно обозначался «сознательным ограничением» или «внутрисемейным контролем» и требовал теперь для себя адекватной терминологии.

§ 1. Парадокс обратной связи и поиски его объяснения

В конце 50-х годов происходит осознание несовместимости ряда теоретических положений с новыми фактами о снижении рождаемости и о ее социально-экономической дифференциации[1]. В центре обсуждений находился сам факт обратной связи между доходом и числом рождений, сама возможность появления этой зависимости при социализме. До тех пор пока в стране сохранялся сравнительно высокий уровень рождаемости, очевидное улучшение условий жизни населения способствовало сохранению представлений о прямой связи. «Ярким опровержением теорий, будто индустриали-

[1] Снижение рождаемости начиная с 1926 г. от уровня 45‰ достигает к 1940 г. 31,2‰, а в послевоенные годы 25—27‰ и сокращается в 60-е годы до 17,0‰. Это сопровождалось уменьшением доли пятых и более рождений сначала при относительно неизменной доле 3—4 рождений, а потом при уменьшении ее и при росте доли 1—2 рождений (см.: Народонаселение стран мира. М., 1978, с. 70, 79).

зация, рост благосостояния и культуры, продвижение по социальной лестнице приводят к падению рождаемости и естественного прироста, — писал в 1936 г. Б. Я. Смулевич, — может служить пример СССР»[1].

Происходившее снижение рождаемости до поры оставалось незамеченным, как и то, что в наиболее материально обеспеченных слоях населения число рождений было наименьшим. В 1959 г. факт сокращения рождаемости хотя и признается, но связывается с действием исключительно неблагоприятных факторов, достигнутый средний уровень рождаемости объявляется окончательным, при этом возможность дальнейшего снижения рождаемости оставляется лишь за капиталистическими странами[2].

Противоположность социализма и капитализма нельзя трактовать через поиск прямо противоположных тенденций демографических процессов. Эту мысль подчеркнул С. Г. Струмилин в 1936 г. в статье «К проблеме рождаемости в рабочей среде», которая была напечатана впервые в 1957 г. «„Особые законы" социализма было бы смешно трактовать априори, по весьма соблазнительному трафарету: «а у нас наоборот», просто как *вывернутые наизнанку* законы капитализма. Если, скажем, при капитализме аборты шли во вред обществу, то при социализме, наоборот, они по этому трафарету должны бы пойти на пользу, если при капитализме смертность падала, то при социализме, наоборот, следует, мол, ожидать ее возрастания и т. д.»[3].

С этой точки зрения С. Г. Струмилин и оценивает факт обратной пропорциональности между рождаемостью и благосостоянием в СССР и стремится найти разумное объяснение этому несомненному факту. В связи с этим привлекаются материалы специального монографического обследования 10 000 женщин-матерей, проведенного в 1934 г. В частности, особо интересным представляется выяснение по результатам этого обследования, как действует в рабочей среде закономерность

---

[1] *Смулевич Б.* Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.— Л., 1936, с. 174.

[2] См.: *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения. М., 1959, с. 54.

[3] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1964, с. 135—136.

обратной зависимости между уровнем оплаты труда и рождаемостью.

Число рождений на 1 тыс. лет брачной жизни в группе со средним душевым доходом до 45 руб. составило 226, в группе 45—75 руб. — 192, в группе 76 руб. и выше — 141, причем в пределах этих экономических групп обратная связь проявилась среди занятых и незанятых на работе (в среднем 151 и 183), а также среди «старожилов» и «пришлых» из деревни (156 и 212). По социально-производственной принадлежности число рождений составило: у работниц — 191, у служащих — 124, у инженерно-технического персонала — 118[1]. Таким образом, с «восхождением по социальной лестнице» брачная рождаемость закономерно падает, точно так же как падает она у работающих на производстве женщин в сравнении с занятыми лишь в домашнем хозяйстве, причем миграция из села в город также сопровождается различиями: «пришлые» имеют более высокую рождаемость.

«Можно, вероятно, по-разному объяснять вышеуказанные закономерности, — отмечает С. Г. Струмилин, — но едва ли возможно отрицать самый факт их наличия в советской действительности. А принимая этот факт, нельзя игнорировать и вытекающие из него последствия. В нашей стране идет гигантскими шагами социалистическая индустриализация. Она влечет за собою размещение миллионов пришельцев из деревни в городах, она означает собою вовлечение в область индустриального труда наравне с мужчинами и миллионов женщин, еще недавно бывших только домашними хозяйками, она, наконец, создает потребность в миллионах новых кадров высококвалифицированного труда. А все это сопряжено с понижением средних коэффициентов плодовитости (рождаемости. — *А. А.*) работниц. Что же удивительного, что мы наблюдаем такое их снижение?»[2].

Все эти факторы С. Г. Струмилин относит к «понижательным», тогда как «повышательные» факторы, связанные с охраной детства и материнства, противодействуют первым, в результате наблюдаемое сокращение рождаемости гораздо медленнее, чем могло было бы

---

[1] См.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда, с. 140, 142.

[2] Там же, с. 141.

быть, тем более что с 1914—1918 по 1929—1933 гг. значительно вырос контингент матерей до 30 лет.

Следовательно, все «понижательные» факторы являются различными выражениями одного и того же процесса — подъема благосостояния, и поэтому вопрос состоит в том, какие причины скрываются за этим[1].

С. Г. Струмилин показал, что закон обратной зависимости действует на советской почве, но причины, лежащие в основе этой связи, во многом остаются неясными, хотя «для нас несомненно, что эта связь опосредована целым рядом промежуточных социально-психологических и всяких иных надстроечных переживаний и реакций...»[2].

С. Г. Струмилин прекрасно видел всю искусственность ссылок на тяжелые условия — материальные, жилищные и т. д. Если бы именно ухудшение благосостояния усиливало интенсивность ограничения рождений, «то почему же особое влечение к этой неомальтузианской реакции проявляется в наиболее обеспеченных... верхушечных слоях этого населения? И если действительно не что иное, как «*сужение жизненной базы* приводит к падению рождаемости», то почему же в таком случае к наименьшей рождаемости «вынуждаются» как раз не *беднейшие,* а наиболее *состоятельные* матери? От этого жесткого статистического факта нельзя ведь

[1] В такой постановке вопроса сыграло роль известное положение К. Маркса относительно обратной связи между «абсолютной величиной семей» и «высотой заработной платы». Приводимые К. Марксом высказывания А. Смита и других ученых о том, что бедность благоприятствует размножению, следует рассматривать в связи с марксовой критикой одной из догм политической экономии. К. Маркс иронизирует по поводу буржуазных экономистов, воображающих, будто спрос на труд зависит не от капитала, а от «абсолютного движения массы населения». В частности, совершенно неверно думать, считал К. Маркс, что повышение заработной платы служит стимулом для более быстрого размножения рабочего населения и что низкий уровень заработной платы задерживает его увеличение (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 651—653).

Подчеркнем, что закон обратной связи относится ко всем категориям трудящихся, а не к одной какой-либо из них. Согласно К. Марксу этот «закон капиталистического общества» не распространяется на докапиталистические формации, так как он «звучал бы бессмыслицей» даже для «цивилизованных колонистов», т. е. где частная собственность основана на труде самого производителя, а не на эксплуатации наемного труда (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 658).

[2] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда, с. 143—144.

отболтаться никакими полемическими увертками»[1].

В статье «К проблеме рождаемости в рабочей среде» С. Г. Струмилин упоминает «нежелание» иметь ребенка, связанное с ограничением «глубочайших социальных инстинктов материнства», но в качестве одного из возможных факторов усиления интенсивности ограничения рождений ссылается лишь на рост требовательности родителей к условиям воспитания детей при подъеме уровня благосостояния и социалистической культуры. В 1961 г. к этому С. Г. Струмилин добавляет «...трудности индивидуального воспитания детей в каждой отдельной семье при все возрастающей ныне занятости матерей в общественном производстве. Правда, и они еще не объясняют, почему именно в наиболее обеспеченных семьях наблюдается наименьшая плодовитость матерей... Ведь наибольшие трудности по воспитанию детей выпадают на матерей беднейших и к тому же самых многодетных семей». Факты более высокой рождаемости там, где жилищная теснота, факты большей частоты абортов в наиболее обеспеченных семьях не укладываются в схему «трудностей», и мы видим, что С. Г. Струмилин чувствует неаргументированность выдвигаемых им объяснений. И тем не менее «чем бы не объяснялась эта закономерность, с ней приходится считаться как с неоспоримым фактом»[2].

Разрушительная критика воззрений «прямой» связи, обнаружение абсурдной непоследовательности многих аргументов, основанных на них, а также полное исключение какой бы то ни было возможности привлечь «рост культурного уровня» для объяснения «парадокса» обратной связи — вот, на наш взгляд, то основное, что было сделано С. Г. Струмилиным для изучения рождаемости, для понимания всей сложности проблемы сокращения рождаемости. Критика «прямой связи» разрушала представления об автоматизме повышения рождаемости по мере роста благосостояния и, значит, освобождала от «пут» равнодушия к проблеме снижения рождаемости.

К оценке всего комплекса представлений «прямой» связи нельзя подходить односторонне и тем более внеисторически. Для условий своего времени она обладала

[1] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда, с. 145.

[2] *Струмилин С. Г.* Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1965, с. 311.

2 Заказ 1718

достаточной убедительностью и отвечала сложившимся в науке требованиям научного объяснения. Оперирование параметрами демографической структуры при анализе динамики рождаемости являлось нормой объяснения в статистике населения. «Постулат непосредственности» влияния половозрастной и брачной структур на уровень рождаемости был логически оправдан, особенно для периода высокой рождаемости, когда существовала социально-психологическая, а не «физиологическая» потребность в многодетной семье. Многовековая история репродуктивного поведения многодетного типа укрепляла иллюзию неизменности «естественного» стремления иметь детей много, и при формальном демографо-статистическом анализе это позволяло пренебречь репродуктивным поведением вообще. «Постулат непосредственности» не только исключал репродуктивное поведение, но и даже факторы, трансформирующие саму демографическую структуру. Идеал такого демографического анализа, может быть, и не всегда безукоризненно, но в основном все же реализовывался в массе исследований.

Строгость формального анализа серьезно нарушилась, когда начавшееся сокращение рождаемости заставило ввести новую категорию «сознательного ограничения», пошатнувшую всю стройность здания «чисто демографического объяснения». «Сознательное ограничение» не вписывалось в рамки макроподхода к изучению рождаемости. К тому же оно вошло в систему демографических понятий без точного количественного измерителя этого явления (статистика абортов и беременностей, даже если пренебречь ее неполнотой, не охватывала всего, что могло подразумеваться под «сознательным ограничением»).

Трудности возникли и при измерении «внедемографических» параметров другого рода, т. е. тех социальных процессов индустриализации, урбанизации, развития культуры и подъема благосостояния, которые в свою очередь являлись динамическим выражением всего комплекса социально-экономических и прочих факторов рождаемости. Неполнота показателей такого рода была очевидной, поэтому в связи с удобством их статистического установления показатели уровня дохода, образования, жилищной обеспеченности и т. д. стали замещать социальные факторы в целом, иногда даже сами оказываясь в ранге «факторов», а не эмпирических индикаторов этих факторов.

В этих условиях ценность корреляций между показателями рождаемости и условий жизни могла быть невысокой, так как адекватность интерпретации их зависела от специального изучения «промежуточного механизма», который еще не был известен, а попытка редуцировать этот механизм к «сознательному ограничению» была сопряжена с рядом противоречий. Первые измерения мотивации свелись к поиску «мотивов» ограничения рождаемости, к поиску «причин», мешающих иметь ребенка. Сама практика контрацепции и абортов объяснялась на основе воззрений «прямой связи» ухудшением условий жизни при увеличении числа детей, причем факты более высокой рождаемости в наименее обеспеченных слоях населения трактовались через степень «сознательности», «культурного уровня».

Все это не способствовало пониманию сокращения рождаемости как проблемы, ибо возможность такой перспективы в будущем исключалась постулатом о повышении рождаемости при улучшении условий жизни и имевшимся в тот период сравнительно высоким уровнем рождаемости в стране. Отсюда понятно появление таких, например, суждений, что «в настоящее время рождаемость в СССР постоянно находится на высоком уровне» и что «в СССР и странах народной демократии рост материального и культурного уровня трудящихся не вызывает сокращения роста населения»[1].

При попытках объяснить снижение рождаемости основной аргумент сводился к трудностям разного рода. Ссылки на плохие жилищные условия, производственную занятость женщин, недостаток детских учреждений и т. д. фигурируют и в работах социологов. Действительные трудности построения социализма в нашей стране, сказывавшиеся на препятствиях к полному удовлетворению имевшейся у населения потребности в детях, исчерпывали собой все причины снижения рождаемости. «Повышательные» факторы рождаемости в та-

[1] *Попов А. Я.* Современное мальтузианство. М., 1960, с. 132, 119. Следует отметить, что автор, критикуя «теорию благосостояния» и тем самым обратную связь между рождаемостью и материальным уровнем, ссылается не на отсутствие сокращения рождаемости, а естественного прироста населения!

ком случае выдвигались на первый план, ибо они имели не временный, а, наоборот, постоянный характер.

«По мере укрепления материально-технической основы советского общества, расширения сети детских учреждений, дальнейшего повышения благосостояния народа, преодоления нехватки жилья, — писал в 1964 г. А. Г. Харчев, — рождаемость, очевидно, стабилизируется на каком-то более высоком, чем нынешний, уровне и соответственно средний размер советской семьи несколько увеличится»[1]. Такого рода высказываний можно было бы привести и больше, но здесь важно подчеркнуть, что система воззрений «прямой» связи сильнее всего заявляет о себе именно в прогнозах. Поэтому ее основная функция, на наш взгляд, состоит не столько в объяснении снижения рождаемости, сколько в заверениях того, что оно непременно прекратится. Именно невнимание к промежуточному звену оставляет открытым вопрос о причинах снижения рождаемости. Трудно поверить, что успехи социально-экономического порядка «неминуемо» влекут сокращение рождаемости. Здесь сказывается та особенность воззрений сторонников «прямой» связи, что будто сокращение рождаемости вообще и всегда является отрицательным. Ведь первоначально непосредственной реакцией на снижение рождаемости оказывается игнорирование этого факта, когда же постепенно наступает признание его, оно связывается только лишь с неблагоприятными обстоятельствами, мешающими реализации «неизменно высокой» потребности в детях.

По нашему мнению, склонность объяснять всякое сокращение рождаемости какими-либо трудностями подсознательно связывает сокращение рождаемости вообще с чем-то «плохим». Другой момент упрощенного взгляда на рождаемость, связанный с использованием показателя рождаемости для оценок социального строя, обусловливает снижение рождаемости кризисными явлениями капитализма, а поскольку таковые при социализме принципиально невозможны, постольку оказывается неприемлемой перспектива всякого дальнейшего снижения рождаемости. Поэтому первым шагом в невольном переходе к идее обратной связи (в рамках «прямой» связи) оказывается различение сокращения

[1] *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 219.

рождаемости, относящегося к депопуляции и останавливающегося на среднем уровне.

Почему был неизбежен переход на позиции обратной связи? Потому, что именно улучшение условий жизни связывается с распространением «сознательного материнства» и стабилизацией рождаемости на уровне, обеспечивающем рост населения. Вот как происходит эта метаморфоза у противника обратной связи Б. Я. Смулевича: «Резкое падение детской смертности, рост благосостояния и культуры населения — все это позволило трудящимся нашей страны перейти к сознательному материнству... Правда, она (рождаемость. — *А. А.*) снижается по сравнению с высоким уровнем, характерным для быстрой смены поколений при высокой смертности, но лишь до того среднего уровня, который при низкой смертности обеспечивает еще более быстрый рост населения»[1].

Нетрудно угадать, что, оставаясь в рамках такой логики, придется рано или поздно столкнуться с фактом сокращения рождаемости до малодетности. Такие объяснения всегда идут на поводу событий — предсказания не сбываются, динамика рождаемости опрокидывает прогнозы и неизбежны новые объяснения, еще более далекие от прежних интерпретаций. Однако ожидать снижения рождаемости невозможно — это означало бы полную капитуляцию перед позициями обратной связи. При всей условности концепций «прямой» и «обратной» связи (ибо не учитывается промежуточный механизм рождаемости) они противостоят друг другу в главном вопросе — будет или не будет рождаемость сокращаться дальше. И здесь на стороне обратной связи оказывается сам ход событий. Но при отсутствии удовлетворительного объяснения данного процесса предсказательная функция концепции обратной связи не «работает».

Так, например, С. Г. Струмилин, рассматривая обратную связь между жилищными условиями и рождаемостью и отмечая очень небольшое число детей (1,6 ребенка) в самых просторных квартирах, задается вопросом: «Если бы причиной столь печальной участи пришлось действительно считать слишком просторное житье соответствующей группы советских граждан, то

[1] *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, с. 148.

стоило ли бы так хлопотать о дальнейшем расширении жилищных фондов страны? Не ясно ли, однако, что здесь действуют иные причины?»[1].

Таким образом, жестко причинное истолкование этого корреляционного соотношения демонстрировало не только неправомерность подобной логики. Оно воочию убеждало в бесперспективности, неплодотворности «постулата непосредственности» вообще.

Вернее предположить, что непосредственное манипулирование индикаторами «улучшения жизни» и рождаемости не вскрывает каких-то глубинных моментов, принципиально не выражаемых применяемыми показателями. К тому же, как верно заметил А. Я. Боярский, простая ссылка на посредство психических изменений ни о чем не говорит[2]. Значит, неизбежна постановка нового вопроса: какие именно негативные последствия развития или факторы и каким образом ведут к снижению рождаемости? Тем самым более пристальное внимание привлекалось к «сознательному ограничению» или к «культурному уровню». Конечно, распространение малодетности могло найти объяснение в привычной схеме «временных трудностей», но простая ссылка на их постепенное устранение не проясняла сути.

§ 2. Модификации традиционной схемы объяснений снижения рождаемости

В 60-е годы назрела необходимость массированных исследований факторов рождаемости, ибо помимо снижения рождаемости и обусловленного этим уменьшения естественного прироста населения имелся еще один момент, раскрывающий повышенный интерес к теоретическому анализу рождаемости. «Другой причиной многочисленных попыток истолковать социально-демографические факторы рождаемости, — писал в 1968 г. А. Г. Волков, — служит то, что в течение долгого времени в нашей специальной, да, впрочем, и популярной, литературе господствовало догматическое утверждение, будто снижение рождаемости характерно лишь для ка-

[1] *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда, с. 146.
[2] См.: *Боярский А. Я.* Социалистический закон народонаселения и воспроизводство рабочей силы. — В кн.: Основные закономерности воспроизводства рабочей силы в период развернутого строительства коммунизма. М., 1965, с. 48.

питалистического общества, а в условиях социализма повышение благосостояния народа якобы ведет к росту рождаемости, который представляет собой характерную черту социалистического закона народонаселения. Распространению такого взгляда ...несмотря на теперь уже очевидное его противоречие фактам, способствовала общая неразработанность теоретических проблем демографии и отсутствие глубоких исследований демографических процессов»[1].

В концепции, безоговорочно признающей лишь возможность «прямой» связи, много односторонности, но наша задача не сводится к однозначно негативной ее оценке — мы пытаемся понять познавательные корни ее живучести. В связи с этим тенденция искать «трудности» за общим улучшением условий жизни и сопровождающим его снижением рождаемости стимулировала поиск гораздо более тонкого понимания препятствий к рождению. Вообще надо подчеркнуть, что сторонники «прямой» связи проявили бо́льшую активность в интерпретации неприемлемой обратной связи.

Назрел вопрос: что скрывается за внешне явным улучшением условий жизни, каковы эти скрытые факторы, ведущие к снижению рождаемости, каким образом оборотная сторона «повышательных» факторов рождаемости может таить в себе «понижательные» тенденции? По-видимому, этот вопрос не формулировался так прямо, скорее, он как бы подразумевался при проведении демографических исследований.

По свидетельству М. В. Птухи, в изучении «брачности, рождаемости и других подобных им явлений — неясности, спорные вопросы, разного рода предположения, многочисленность фактически применяемых и рекомендуемых методов исследования и схем научного изображения образуют в общей сложности такой хаос, что разобраться в нем представляется делом далеко не легким»[2]. Это было написано в 1960 г., когда, по сегодняшним меркам, многообразие оттенков во взглядах и точек зрения было не столь обильным, чем, например,

[1] *Волков А. Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 171.
[2] *Птуха М. В.* Общая схема статистического изучения демографических явлений и процессов. — В кн.: Демографические тетради. Киев, 1972, вып. 6—7, с. 13.

десятилетие спустя. Тем не менее такое впечатление сложилось не случайно. Объективно назрела потребность в теоретическом осмыслении эмпирических данных о рождаемости.

Идея о разрыве между растущими потребностями и возможностями их удовлетворения была в 1959 г. применена Б. Я. Смулевичем для раскрытия движущих сил снижения рождаемости от высокого уровня до среднего. Необходимость создания материально-технической базы социализма при наличии в социалистическом обществе противоречий и трудностей, вытекающих из индустриальной отсталости России, ведет к временной диспропорции между ростом средств потребления, между обеспечением жилищем и потребностью в них, между быстрым ростом учреждений охраны материнства и детства и ростом потребностей в их количестве и качестве и т. д. Временные затруднения разного рода возникают на фоне быстрого культурного роста, сопряженного с социалистической индустриализацией, причем этот рост трактуется Б. Я. Смулевичем через «рост потребностей».

Таким образом, как считал Б. Я. Смулевич, противоречивость общественного развития при социализме, особенности построения социализма в нашей стране увеличивают разрыв между потребностями и возможностями их удовлетворения, что ведет к снижению высокой рождаемости. При этом важно действие тех факторов, которые непосредственно сдерживают рождаемость (сюда входят последствия войны, нарушившие половозрастную и брачную структуры населения, а также разрушение жилого фонда в городах, что при ускорении темпов роста городского населения приводило к недостатку жилой площади, несмотря на размах жилищного строительства). Бытовые затруднения отрицательно влияют на рождаемость, так как при росте потребностей появляется желание обеспечить лучшие условия для воспитания детей. Заранее учитывая все это, родители через «сознательное материнство» регулируют число детей, чему способствует также снижение детской смертности[1].

Итак, налицо различение двух процессов: процесса образования разрыва между потребностями и возможностями их удовлетворения и процесса сдерживающего

[1] См.: *Смулевич Б. Я.* Критика буржуазных теорий и политики народонаселения, с. 54, 149—150.

влияния на рождаемость бытовых затруднений. Представление о разрыве между потребностями и возможностями при этом подспудно предполагало неизменно высокую потребность в детях, но благодаря ее выведению за пределы круга растущих потребностей достигалась возможность объяснения сокращения рождаемости через отставание условий удовлетворения этой потребности от остальных («выросших») потребностей.

Эта довольно-таки причудливая форма интерпретации падения рождаемости смогла возникнуть лишь благодаря сохранению постулатов «сознательного ограничения». Вместе с тем данное объяснение обладает бо̀льшей убедительностью по сравнению со старым, так как в случае полного исчезновения материальных препятствий к реализации потребности в материнстве и отцовстве непрерывного роста рождаемости уже не произойдет.

В самом деле, если отпадут все помехи, действительно, отчего высокая потребность в детях не реализуется полностью? В более поздней работе 1965 г. Б. Я. Смулевич выдвигает два аргумента. Первый относится к тому, что семья перестает быть эгоистической ячейкой и в своем «генеративном поведении» при планировании числа детей «будет считаться с общественными интересами».

Второй аргумент связан с ростом культуры, потребностей всего населения, в частности женщин. Здесь повторяется известная мысль А. Бебеля о том, что у интеллигентных и энергичных женщин не будет склонности проводить лучшие годы в состоянии беременности, что нежелание иметь много детей скорее усилится, чем ослабнет при социализме. Правда, у А. Бебеля эта мысль вытекает из принимаемой им обратной связи, в частности из того аспекта, который утверждает «замещение количеством того, что теряется в качестве». А. Бебель приводит по этому поводу не совсем удачный пример из биологии — сильные и крупные животные (львы, слоны и т. д.) в отличие от слабых и мелких (зайцы, мыши и т. д.) приносят меньше потомства[1].

Это сравнение с животным миром не показательно для репродуктивного поведения человека, тем не менее оно иногда используется даже демографами — шутя го-

[1] См.: *Бебель А.* Будущее общество. М., 1959, с. 161.

ворят, что лучше иметь одного ребенка, но зато «льва», чем много детей — «зайчат». Конечно, тысяча зайцев не заменит одного льва, но подобными сравнениями не заслонить того демографического факта, что единственный ребенок в семье не обеспечивает даже простого воспроизводства населения и замещения поколений.

Для доказательства того, что не будет ни многодетности, ни малодетности, а будет среднедетность (3—4 детей), Б. Я. Смулевич привлекает наряду с концепцией «разрыва» между потребностями и возможностями их удовлетворения довод о повышении качества воспитания детей[1].

Обе эти концепции оказались в последующем очень популярными, их модификации занимают прочное место и в наши дни, причем не только в тех объяснительных моделях снижения рождаемости, которые избегают обращения к поведению, но и в некоторых концепциях репродуктивного поведения. Следует отметить, что ссылка на повышение качества детей применялась гораздо раньше, например С. А. Томилиным, для объяснения практики ограничения рождений. А. П. Хоменко для выяснения причин ограничения рождаемости также указывал на «разрыв между большим ростом и дифференциацией потребностей и ростом средств их удовлетворения...»[2].

Однако совсем иной оборот приобретает использование этих концепций для объяснения обратной связи. В том-то и дело, что новая переменная — степень удовлетворения потребностей личности — позволяет убедительно доказать, что рост материального благосостояния сам по себе не ведет к снижению рождаемости. С этих самых пор обратная связь перестает быть монстром, ибо не улучшение жизни как таковое вызывает падение рождаемости, а возникновение разрыва между потребностями и возможностями их удовлетворения.

Безусловно, это весьма плодотворная идея, несмотря на исключение из круга растущих потребностей самой потребности в детях. Она способствовала узаконению обратной связи в системе допущений, первоначально исключающих эту связь полностью. К тому же неявный

[1] См.: *Смулевич Б. Я.* Народное здоровье и социология. М., 1965, с. 46.

[2] Цит. по: Демографические тетради. Киев, 1969, вып. 1, с. 34.

постулат о неизменности желания иметь детей много рано или поздно обнаружил бы свою неадекватность хотя бы потому, что в этой концепции вся система потребностей пребывала в постоянном изменении («росте»), кроме неназываемой потребности в детях.

Объясняя снижение рождаемости и обратную связь, Б. Ц. Урланис в 1963 г. отметил, что материальный фактор и фактор культуры действуют в противоположных направлениях. Первый из них при повышении уровня жизни характеризует увеличение материальных возможностей удовлетворения потребности в детях. Второй фактор относится к изменению всей системы потребностей, так как порождает новые запросы. Совместное действие этих двух тенденций приводит к итоговым изменениям уровня рождаемости[1]. Здесь совершенно верно раскрыта роль благосостояния в рождаемости — она сводится к содействию либо противодействию реализации имеющейся потребности в детях и нисколько не влияет на саму потребность в детях[2].

Обратная связь возникает из-за роста культурного уровня и вызванного этим распространения регулирования рождаемости, т. е. высокая потребность в детях (которую надо лишь ограничивать) сохраняется в этих суждениях. «С увеличением уровня жизни, — пишет Б. Ц. Урланис, — падает уровень рождаемости, так как вместе с ростом дохода растет культурный уровень, а с ростом культурного уровня увеличивается моральная ответственность родителей за воспитание детей, увеличивается удельный вес родителей, практикующих внутрисемейное регулирование числа детей»[3].

Новый момент в трактовку «сознательного» ограничения рождений вносится благодаря выделению двух характеристик — экстенсивности ограничения (широта

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.

[2] В 1968 г. Г. М. Коростелев обратил внимание на то, что благосостояние в концепции Б. Ц. Урланиса способствует лишь удовлетворению потребности в детях, тогда как рост культуры действует в направлении неудовлетворения потребности в детях через рост запросов, не связанных с детьми (см.: *Коростелев Г. М.* К характеристике социально-демографического закона социалистического общества. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 30). Этот «рост запросов», на наш взгляд, и является косвенной характеристикой ослабления потребности в детях.

[3] *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 62.

проникновения во все слои) и, как это специально оговаривается в поздней работе, интенсивности ограничения рождаемости. Когда все семьи полностью начнут практиковать внутрисемейное регулирование, тогда дальнейшие тенденции рождаемости будут зависеть от изменения репродуктивных ориентаций супругов[1], т. е. от того, что мы называем потребностью в детях.

В одной из недавних статей Б. Ц. Урланис неоднократно отмечает, что до сих пор в марксистской литературе механизм связи между уровнем жизни и рождаемостью остается «мало освещенным» в основном из-за отсутствия «достаточно удовлетворительного объяснения» фактов обратной зависимости[2].

В 1974 г. Б. Ц. Урланис попытался усовершенствовать типологию факторов рождаемости за счет включения «репродуктивного поведения» в схему внутрисемейного регулирования. Стремление к удовлетворению растущих потребностей рассматривается в качестве «антагониста рождаемости», однако подчеркивается, «...что иметь детей в семье — тоже потребность, требующая своего удовлетворения»[3]. При этом не делается следующего шага, т. е. из снижения рождаемости и включения потребности в детях в круг ее «антагонистов» не выводится само ослабление потребности в детях. Этому способствует постулирование нескольких потребностей в детях — потребности в первом (наименее эластичной), во втором и в третьем ребенке (наиболее эластичной). Взамен единого родового понятия потребности в детях, претерпевающей исторические изменения, берутся (для регионов с низкой рождаемостью) лишь три исходные абстракции, как бы изолированные между собой.

Свойство эластичности позволяет вернуться к традиционной схеме — неизменно существующая высокая потребность (в трех детях) «при благоприятных условиях» резко возрастает, при «неблагоприятных» — резко падает. В период, когда более настоятельные, основные потребности не удовлетворены, потребность в третьем ребенке как бы дожидается своего часа, и когда он

---

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР, с. 144.

[2] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы народонаселения в трудах С. Г. Струмилина.— Вопросы экономики, 1977, № 1, с. 79, 81.

[3] *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР, с. 152.

пробивает, она тут же и реализуется (после удовлетворения основных потребностей).

На наш взгляд, здесь наблюдается удвоение сущности потребности в детях — наряду с реальной, находящейся в непрерывном изменении и исторически закономерно ослабляющейся потребности в детях, сосуществует неизменная потребность в детях, но в отличие от одной ее застойной формы (потребности в многочисленном потомстве) образуется целый набор неподвижных в своей расчлененности потребностей в детях — в одном, втором, третьем и т. д.

Факт обратной связи, полученный в рамках традиционной схемы объяснений снижения рождаемости, ознаменовал собой начавшийся процесс изменения этой схемы. Вообще говоря, в науке всегда возникают новые факты и данные, требующие новых допущений и уточнения старых. В этом смысле демография не является исключением. Но как только новые факты оказываются в ряду со старыми, это становится своего рода сигналом и знаком того, что сама наука не остается неизменной. Все, что делалось для «спасения» «прямой» связи, одновременно вырабатывало нечто такое, отчего зависело дальнейшее видоизменение традиционной модели объяснения. Результаты новых исследований продолжают «расшатывать» систему исходных предпосылок.

К середине 60-х годов позиции обратной связи укрепляются — ее подтверждают исследования ЦСУ СССР 1959 и 1960 гг.[1], а также исследования в г. Жуковском в 1960 г.[2] и в Ереване в 1963 г.[3]. Единственное в этот период исследование в Горьком в 1962 г. выявило прямую связь между числом рождений и *общим* доходом семьи (в отличие от предыдущих исследований, где учитывался душевой доход)[4]. Поэтому все чаще начинают возникать вопросы, подобные тому, который

---

[1] См.: *Струмилин С. Г.* В космосе и дома. — Избранные произв. М., 1965, т. 5, с. 308; *Вострикова А. М.* Некоторые данные о рождаемости в СССР. — Вестник статистики, 1962, № 12.

[2] См.: *Таубер Н. А.* Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966.

[3] См.: *Давтян Л. М.* О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. — В кн.: Проблемы демографической статистики.

[4] См.: *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965.

сформулировал Д. Л. Бронер: «Почему при одинаковых исходных посылках и даже при однородной методике исследования мы, подчас, приходим к совершенно противоположным выводам?»[1].

Следует заметить, что в этот период ставится очень много несколько необычных для классической демографии задач. К примеру, задача более углубленного изучения семьи, а также задача раскрытия «всего механизма» регулирования рождаемости. Все чаще начинает выражаться неудовлетворение преимущественным вниманием к статистическим выкладкам, к оперированию сугубо количественными аспектами рождаемости без соответствующего внимания к качественным моментам. Д. И. Валентей и Ю. Н. Козырев отмечали, например, что проблемы социальные, психологические, культурные и вообще собственно человеческие рассматривались во вторую очередь, отсюда известная неразработанность философских и социологических аспектов населения. В связи с этим подчеркивалась роль социологических исследований, которые должны занять большое место в изучении населения, в частности при изучении мотивов, движущих людьми при принятии демографических решений[2].

Прогностическая функция обратной связи начинает все чаще проявляться в разного рода экстраполяциях нынешних тенденций рождаемости. «С развитием производства, особенно с распространением индустриальных его методов, с развитием городов, вовлечением женщин в производство и в активную общественную деятельность, с ограничением сфер применения детского труда, — отмечали Д. И. Валентей и Ю. Н. Козырев, — количество детей в семье сокращается. Наступит время, когда речь пойдет о мерах увеличения рождаемости и в странах, где ныне наблюдается ускоренный рост населения»[3].

Очень большое значение для анализа снижения рождаемости и для демографического измерения вклада внутрисемейного регулирования в этот процесс имели

[1] Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум. Москва, 24—26 ноября 1966 года. М., 1969, с. 226.
[2] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения, с. 15, 211.
[3] Там же, с. 26.

работы А. Г. Волкова, посвященные выявлению роли демографической структуры и интенсивности деторождения в изменении общего коэффициента рождаемости с 1925 по 1959 г. Им было доказано, что снижение рождаемости явилось следствием сокращения интенсивности брачной рождаемости, т. е. ограничения родителями числа детей в семье, а не следствием действия структурных факторов[1].

Общий коэффициент рождаемости может быть лишь крайне приближенной мерой этой интенсивности. Коэффициент брачной рождаемости точнее отображает влияние интенсивности деторождения, однако, как правильно отмечал А. Г. Волков, «необходимо разработать и ввести в практику демографического анализа измерители, которые дали бы возможность изучить действительные изменения в интенсивности деторождения и оценить ее перспективы, а также накапливать соответствующие статистические данные»[2].

Изменение интенсивности деторождения, ведущее к снижению рождаемости благодаря «сознательному отношению населения к деторождению», позволяет А. Г. Волкову сделать это главным отличительным признаком нового типа воспроизводства населения (с низкой рождаемостью и смертностью). Однако «сознательное отношение к деторождению» при этом трактуется в духе «сознательности» населения, так как именно из «сознательного отношения» вытекают наиболее благоприятные возможности для воздействия общества на рост населения[3].

С подобной интерпретацией нельзя согласиться, поскольку механизм репродуктивной мотивации не сводится к сознательно принимаемым решениям, а последние в свою очередь вовсе не предполагают легкости их перестройки в желательном для общества направлении. Кроме того, чтобы «сознательное отношение» создавало благоприятные возможности для воздействия на рождаемость, необходимы экспериментальные подтвержде-

[1] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения, с. 174—175.
[2] *Волков А. Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 182.
[3] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения, с. 67.

ния того, что среди усиливающихся мотивов рождения того или иного числа детей в семье имеется какая-то часть, действительно относящаяся к желанию иметь, допустим, третьего ребенка по соображениям необходимости этого для воспроизводства населения в обществе.

На наш взгляд, рассмотрение динамики рождаемости сквозь призму перехода к новому типу воспроизводства (с низкой рождаемостью и смертностью), отвечающему конечной цели демографического перехода, не способствует интересу к проблеме возможного в будущем сокращения рождаемости. Именно поэтому в 1966 г. А. Г. Волков задачу научно обоснованной демографической политики видит в воздействии на «сознательное отношение» населения к деторождению с целью установления оптимального соотношения между темпами роста населения и развитием экономики[1].

Бóльшим демографическим смыслом наполнено решение вопроса о демографической политике у В. П. Пискунова и В. С. Стешенко, которые в 1967 г. исходили из противоречивости потребностей семьи и общества в области рождаемости и благодаря этому считали необходимым изменение демографического поведения населения в направлении создания не только экономических, но и разнообразных социальных условий для семьи с несколькими детьми. «Потребность общества и потребность отдельной семьи в детях может не совпадать. Возможно, что некоторые супруги могут удовлетворить свои потребности в отцовстве и материнстве, дав жизнь и воспитание одному ребенку. Однако для расширенного воспроизводства населения нужно, чтобы каждая семья родила и воспитала в среднем больше двух детей»[2].

В. П. Пискунов и В. С. Стешенко отмечали, что снижение рождаемости на Украине способствует ухудшению возрастной структуры, и поэтому если учесть силу инерции демографических процессов, то для сохранения нетто-коэффициента воспроизводства населения на определенном рациональном уровне (но не ниже единицы) понадобится длительное время, тем большее,

[1] См.: Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения, с. 67.

[2] *Пискунов В. П.,* Стешенко В. С. Некоторые особенности воспроизводства населения в Украинской ССР. — В кн.: Народонаселение и экономика. М., 1967, с. 81—82.

чем дольше не проводится улучшение демографической обстановки[1].

Важно подчеркнуть, что внутрисемейное регулирование не объявляется при этом причиной снижения рождаемости. Оно — причина быстрого роста потребления противозачаточных средств. Рождаемость становится объектом внутрисемейного регулирования и зависит от комплекса причин, которые либо непосредственно воздействуют на экономическое положение семей, либо воздействуют на психологию населения.

Утверждения о большой инерционности демографических процессов могут казаться при этом непротиворечащими утверждению о мобильности рождаемости, так как по традиции вся инерционность списывается на счет демографической структуры населения. В таком случае не попадает в поле зрения то обстоятельство, что инерционность процесса рождаемости может зависеть и от инерции, обусловленной относительной самостоятельностью потребности в детях.

Эта самостоятельность и автономность влияния потребности в детях на результаты репродуктивного поведения и через них на уровень рождаемости и требует, по нашему мнению, выделения потребности в детях в качестве особого компонента. У потребности в детях свои закономерности изменения, своя собственная скорость этого изменения. Причины постоянного невнимания к процессу ослабления потребности семьи в детях надо искать и в замедленной скорости данного процесса.

До тех пор пока не появилось понятие «интенсивности» деторождения, пока не было измерения вклада интенсивности деторождения и отдельно демографической структуры в динамику общих коэффициентов рождаемости, трудно было заметить и темпы изменения этой интенсивности. В эпоху многодетности изменение потребности в детях было мизерным, поэтому во многих анализах этим изменением можно было пренебречь. Условность принятия неизменной потребности в детях не приводила к заметным погрешностям. Процесс отмирания многодетности, ускорившийся в XX в., слагался из тормозящих рождаемость условий жизни и из медленного ослабления потребности в детях.

[1] *Пискунов В. П., Стешенко В. С.* Некоторые особенности воспроизводства населения в Украинской ССР. — В кн.: Народонаселение и экономика. М., 1967, с. 78—79.

3 Заказ 1718

Быстротекучесть и переменчивость текущих жизненных условий сразу же заявляла о себе в массе повседневных ситуаций. Скорость изменения условий жизни семьи (т. е. условий реализации потребности в детях) и тем самым конечных результатов репродуктивного поведения опережала скорость ослабления потребности в детях. Подобное отставание скорости изменения потребности в детях явилось новым препятствием к осознанию самого наличия данной потребности и тем более к осознанию процесса ее ослабления. К тому же следует учесть отсутствие четких представлений о системе регуляции репродуктивного поведения, представляющей собой взаимодействие трех основных компонентов: потребности в детях — условий ее удовлетворения — итогового числа детей в семье[1]. Поэтому среднее число рождений в семье не рассматривалось в качестве результата определенного поведения семьи, результата реализации потребности в детях.

Таким образом, скорость ослабления потребности в детях меньше, чем скорость уменьшения числа детей в семье. Тормозящее влияние условий жизни семьи сказывалось на затруднениях в удовлетворении потребности в детях и на окончательном числе детей в семье. Само ослабление потребности обнаруживало себя в совершенно иных единицах времени — если изменение условий жизни семьи может измеряться днями, неделями, месяцами, годами, то для изменения потребности в детях требуются десятилетия[2].

По нашему мнению, ослабление потребности в детях можно измерять лишь по поколениям — по степени распространенности, например, потребности в 1—2 детях в каждом новом поколении в сравнении с предыдущим.

[1] Эта схема регуляции была предложена нами в 1972 г. См.: *Антонов А. И.* Изучение репродуктивных установок как одна из важнейших задач социально-психологического исследования семьи.— В кн.: Динамика изменения положения женщины и семья. XII Международный семинар по исследованию семьи. М., ССА (в трех выпусках), с. 13—24.

[2] Это обстоятельство отмечал А. Я. Кваша, который писал, что сложившиеся демографические «идеалы» почти не меняются у лиц среднего и пожилого возраста, изменение их происходит примерно через поколение после наступившего изменения условий жизни, следовательно, «демографические „идеалы“ изменяются гораздо медленнее, чем материальные условия жизни семей» (*Кваша А. Я.* Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974, с. 141, 144).

В этом случае в пределах одного поколения потребность в детях опять-таки остается практически неизменной. Скорость уменьшения окончательного числа детей в семье (в пределах одного поколения) может заслонить собой «черепашью» скорость уменьшения потребности в детях, более-менее заметную лишь между поколениями.

Наличие концепции прямой связи с этой точки зрения становится вполне «оправданным», так как при определенных условиях быстрая скорость уменьшения числа детей в семье под влиянием окружающих обстоятельств находит отражение в показателях рождаемости. По-видимому, с этим связано распространение представлений о «мобильности» рождаемости и о «легкости» управления рождаемостью. Однако положения о маневренности и гибкости «демографического механизма» семьи могут опираться лишь на преувеличение роли условий жизни в детерминации числа рождений и на недооценку инерционной устойчивости потребности в детях. И тогда уверенность в возможности увеличения числа детей в семье до любой величины вытекает из относительной легкости создания благоприятных условий для реализации будто бы уже имеющейся потребности в любом необходимом числе детей. Таковы истоки идеи о «легкости» управляющего воздействия на рождаемость — высокая управляемость условиями жизни налицо, а об управляемости самой потребности в детях нет и речи.

Таким образом, медленная скорость изменения потребности в детях способствовала сохранению представлений о «неизменно высокой» ее величине и о постоянной необходимости «ограничения» подобной потребности. Дискуссии относительно «парадокса» обратной связи и попытки измерения вклада интенсивности деторождения в уровень рождаемости способствовали в конечном итоге появлению интереса к репродуктивному поведению человека. Специальное внимание к процессам исторического изменения потребности в детях становится возможным благодаря распространению социолого-демографических исследований.

§ 3. Социолого-демографические исследования и поведенческие концепции рождаемости

В середине 60-х годов в нашей стране проводятся так называемые исследования мнений о величине

семьи[1]. Их появление связано не только с быстрым развитием социологических и социальных исследований, но и с усилением внимания к комплексному, междисциплинарному изучению народонаселения и рождаемости, возрастанием значимости социологического и социально-психологического подходов[2].

Социолого-демографические исследования мнений о числе детей в семье самим фактом своего появления разрушают концепцию «прямой» связи. Непосредственно обращаясь к промежуточному механизму рождаемости, эти исследования как бы раскрывают истоки обратной связи, любые их результаты заключают в себе альтернативу «прямой» связи. Накопление подобных эмпирических данных не только наполняет конкретным содержанием разрозненные и зачастую несовместимые друг с другом понятия, но приводит к образованию новых методологических связок и тем самым ведет к новым концептуальным системам.

Результаты социолого-демографических исследований принесли с собой дополнительную информацию о фактах обратной связи не только между показателями имеющегося числа детей и индикаторами социального положения, дохода и т. д., но и между этими индикаторами и показателями идеального и ожидаемого числа детей. К тому же динамика ожидаемого числа детей убедительно продемонстрировала уменьшение потенциальной интенсивности деторождения. Поэтому осмысление всего объема имеющихся эмпирических данных в условиях сосуществования традиционных и нетрадиционных взглядов вело к возникновению альтернативных концепций рождаемости и разнообразию научных взглядов и оценок.

В социолого-демографических исследованиях, география которых была весьма широка, составление анкет

[1] См., например: Проблемы демографической статистики. М., 1966; Изучение воспроизводства населения. М., 1968; Демографические тетради, вып. 1; 1970, вып. 2—3; *Каткова И. П.* Рождаемость в молодых семьях. М., 1971; *Салатич А. И.* Изучение рождаемости в сельской местности путем динамического наблюдения брачной когорты. — Здравоохранение Российской Федерации, 1971, № 4; *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости. М., 1973.

[2] См.: *Валентей Д. И.* Наука и народонаселение. — В кн.: Народонаселение и экономика.

исчерпывало работу над теоретической программой исследований. Но анкета есть результат этой программы (обычно программа включает в себя обоснование выбранной концепции, перевод системы гипотез на язык эмпирического измерения и многое другое). Известный эмпиризм первых обследований мнений иногда даже заставлял усомниться в принципиальной необходимости их для раскрытия пружин демографического поведения[1].

Недостатки изучения мнений были связаны не с природой самих социолого-демографических исследований, а с тем, что теоретическая демография еще не была готова к анализу промежуточного механизма, опосредующего связь условий жизни и рождаемости. По мнению В. А. Беловой и Л. Е. Дарского еще не было создано к тому времени «достаточно убедительной модели или схемы, позволяющей связать то, что происходит в семье, с тем, что происходит в населении»[2]. Поэтому следовало ожидать, что широкая экспериментальная «атака» на изучение потребности в детях обнаружит на первых порах влияние традиционных воззрений.

Как известно, в обследованиях мнений наиболее популярными оказались показатели ожидаемого и идеального числа детей в семье, а также наборы «причин», оправдывающих «нежелание» иметь еще детей. Рассмотрим, как истолковывался смысл идеального числа детей, которое формулировалось следующим образом в обследовании 1966 г., проведенном Отделом демографии НИИ ЦСУ СССР: «Сколько детей, по Вашему мнению, лучше всего иметь в семье?»[3].

«Смысл этого вопроса..., — отмечали В. А. Белова и Л. Е. Дарский, — состоит в том, чтобы выяснить, к какой величине семьи стремилась бы женщина, если бы она не имела тех ограничений материального характера или особенностей семейного уклада, которые корректируют ее желания»[4]. Другими словами, если убрать ма-

[1] См.: Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. Киев, 1972, с. 80.

[2] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи. — В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 285.

[3] Там же, с. 288.

[4] Там же, с. 294.

териальные препятствия к удовлетворению имеющейся потребности в детях, то какова ее величина?

Действительно, интерпретация показателя идеального числа детей в семье (самого двусмысленного из всех показателей такого рода) — дело весьма сложное. К этому вопросу мы обратимся специально в следующей главе. Но сейчас важно подчеркнуть, что в рассмотренной трактовке идеального числа детей имеются скрытые допущения, позволяющие отождествлять эмпирические данные этого показателя с якобы существующей реально у населения «полной» потребностью в детях, описываемой этой средней величиной. Еще серьезнее другое подспудное допущение, будто снятие ограничений материального характера заставит женщин стремиться к достижению идеального числа детей. Эти скрытые допущения впоследствии у некоторых демографов окажутся явными: повышение рождаемости будет ставиться в зависимость от устранения помех к реализации именно идеального числа детей в семье[1].

Влияние традиционных воззрений проявилось и в первоначальных попытках измерения «мотивов» ограничения рождений, «мотивов» нежелания иметь детей. Подчеркнем, что сами мотивы репродуктивного поведения как таковые вообще не изучались до середины 70-х годов, и здесь мы не можем согласиться с В. А. Беловой и Л. Е. Дарским, утверждающими, что в 1966 и в 1969 гг. они предприняли попытку изучить мотивы малодетности и рождения детей вообще[2].

Составлявшиеся учеными в 60-е годы наборы «причин», мешающих иметь еще детей, ни в коей мере нельзя толковать как изучение мотивации репродуктивного поведения[3]. Влияние концепции сознательного ограничения рождаемости оказалось весьма сильным даже в совершенно неподходящих для этого условиях изучения мнений о рождаемости.

---

[1] См.: Рождаемость/Под ред. Л. Е. Дарского. М., 1976, с. 59—60.

[2] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972, с. 122.

[3] См. об этом подробнее наши статьи в следующих изданиях: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Киев, 1973, с. 412; Развитие населения (Народонаселение). М., 1974, с. 37; Демографическое поведение семей. Ереван, 1975, с. 93; Демографическая ситуация в СССР. М., 1976, с. 48; Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 327.

Интересно, что, собираясь изучать мотивы рождения детей, склонялись к изучению «мотивов» отказа от рождения, «нежелания иметь детей», «мотивов» ограничения рождаемости. Концепция «помех» к рождению демонстрировала исключительную приспособляемость! Вместо того чтобы интересоваться «причинами» рождения первого, второго, третьего и других очередностей рождения ребенка в семье, ученые стремились найти «причины» отказа от рождения детей. По-прежнему скрыто допускался достаточно высокий уровень потребности в детях, если постоянно в поле зрения оказывались «причины», мешающие проявиться «полной» потребности в детях.

Оставалось при этом незамеченным, что, допустим, при наличии двоих детей в семье «причины» отказа от третьего ребенка вовсе не равноценны «причинам», вызывающим потребность в третьем. Парадоксальность данной научной ситуации усугублялась тем обстоятельством, что идея непосредственного обращения к изучению репродуктивных желаний и намерений семьи сводилась на нет неожиданным смещением интереса с собственно мотивов рождения к элементарным перечням условий жизни семьи, тормозящим рождаемость.

И в самом деле, что выдается за «мотивы»? Вот набор этих ссылок у В. А. Беловой и Л.Е. Дарского: «материальные трудности, семейные неурядицы, собираюсь учиться, неудовлетворительные жилищные условия, трудно устроить ребенка в ясли» и т. д.[1] Аналогичны «причины» нежелания иметь детей, приводимые А. А. Петраковым, Г. П. Киселевой и другими учеными[2]. Как же могло получиться так, что под рубрикой «мотивов рождения» фигурировали помехи к рождению? Неявно предполагалось, что потребность иметь детей еще больше уже есть, и вся задача — в выявлении и последующем устранении «трудностей», «помех» к рождению. При этом постоянно сохраняющаяся вероятность наступления зачатий по причине несовершенства средств контрацепции стимулировала интерес к желанию ограничивать рождаемость и «нежеланию иметь» детей.

---

[1] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 35.

[2] См.: Изучение воспроизводства населения, с. 298, с. 313.

Изучение мотивов рождения предполагает выяснение различных аспектов побуждений иметь то или иное число детей, причем побуждения иметь первого или третьего ребенка, вероятно, будут существенно различаться между собой. Вряд ли плодотворны попытки исследовать репродуктивные мотивы без учета типов потребности в детях и имеющегося уже в семье числа детей. В таких случаях «нежелание» иметь еще детей в силу своей количественной неопределенности становится весьма абстрактным, не поддающимся интерпретации.

Основное затруднение состоит в том, что «нежелание» иметь ребенка при выявлении «помех» к рождению объявляется уже существующим. Оно действительно имеется у тех, кто полностью удовлетворил потребность в детях, но в отношении неудовлетворивших ее наличие такого «нежелания» требует специальных изысканий. Однако главная причина подмены мотивов рождения мотивами отказа от него, на наш взгляд, заключается в отсутствии четкой теории регуляции всей системы репродуктивного поведения личности. Процесс регуляции, как уже отмечалось, состоит во взаимодействии потребности в детях — условий ее реализации — конечных результатов поведения.

Приступая к изучению «причин», мешающих иметь детей, переключаются целиком на второй компонент репродуктивного поведения — на условия реализации потребности в детях. Если бы даже помимо перечней обстоятельств, препятствующих реализации имеющейся потребности, составлялись перечни моментов, благоприятствующих этому, то все равно выявление мотивов рождения не состоялось бы.

Самые полные наборы условий жизни семьи не дадут ответа на вопрос, почему, к примеру, при потребности в двоих детях в некоторых из семей имеется лишь один ребенок. Они только помогут понять, какие именно конкретные условия тормозят осуществление существующей потребности. Условия жизни, блокирующие реализацию второго ребенка, никак не могут стать психологическими предпосылками к рождению второго ребенка.

По нашему мнению, если даже исследователя интересуют лишь условия реализации потребности в детях, то и тогда логичнее не выявлять «помехи» к рождению второго ребенка в однодетных семьях, а ретроспективно устанавливать при анализе двухдетных семей ситуации, предшествующие появлению второго ребенка, и сравнивать их с ситуациями после его рождения. Подобное сопоставление позволит определить не только одни помехи, но и стимулы к рождению.

Сделанные нами замечания предполагают такую организацию исследований, где группировка семей производится не только по числу имеющихся детей, но и по типам потребности в детях. Формально-статистический подход к изучению мнений не позволял приступить к такой дифференциации выборки, поскольку вычисление средних величин и сопоставление показателей предпочитаемого числа детей[1] с показателями социально-экономических характеристик исчерпывали собой задачи исследования.

Все известные статистические процедуры оперирования с данными о событиях переносились на новые статистические показатели мнений о демографическом поведении. Сама новизна этих показателей на первом этапе социолого-демографических исследований представляла самостоятельную ценность, при этом не возникало вопросов о применении качественно новых процедур исследования.

Не случайно поэтому столь скудны по числу вопросов инструментарии первых обследований. Здесь сказалось влияние практики проведения переписей, где добавление каждого нового вопроса представляло собой целое событие. Анкета с 30—40 вопросами могла считаться слишком объемной. Однако в миниатюрности первоначальных вопросников надо видеть также и выражение того большого значения, какое придавалось каждому отдельному вопросу. Здесь имеется в виду не искусство формулирования вопросов и тщательность их составления — это обычное требование социолого-демографической работы, — а теоретическая значимость отдельного показателя мнений.

Например, в 1971 г. Л. Е. Дарский изучение намерений по ожидаемому числу детей относил к «еще одному направлению» исследований демографического поведе-

[1] Мы будем называть все показатели мнений о числе детей (идеальное число, ожидаемое, желаемое и т. д.) показателями предпочитаемого, а не желаемого числа детей, так как желаемое число является отдельным видом всей системы этих показателей.

ния[1]. Спустя год В. А. Белова и Л. Е. Дарский из сопоставления двух эмпирических показателей — идеального и ожидаемого числа детей — создали концепцию гармоничности репродуктивной установки[2]. С одной стороны, параллельно развивавшаяся и опережавшая практику эмпирических исследований теория репродуктивного поведения не могла втиснуться в жесткие рамки двух показателей статистики мнений. С другой стороны, вполне правомерное намерение интерпретировать эти показатели в терминах теории репродуктивного поведения способствовало преувеличению роли этих показателей с точки зрения исчерпывающего отображения понятий «норма», «установка», «потребность».

Система показателей предпочитаемого числа детей принципиально не приспособлена к отражению особенностей репродуктивного поведения личности и семьи. Их назначение не в эмпирической фиксации процесса регуляции репродуктивного поведения, а только в измерении количественной стороны репродуктивной установки.

При налаженной практике опросов во всесоюзном, республиканском и более локальном масштабе создается уникальная возможность представить динамику репродуктивных ориентаций населения. В сопоставлении с динамикой среднего имеющегося числа детей в семье и коэффициентов рождаемости показатели предпочитаемого числа детей раскрывают тенденции интенсивности деторождения. Но для того, чтобы выяснить, что скрывается за этими тенденциями, надо перейти на уровень микроанализа репродуктивного поведения семьи.

Здесь главная задача состоит не только в углубленном измерении репродуктивных установок и мотивов, а в такой организации исследования, где всесторонне представлены системами эмпирических показателей все три основных элемента главной диспозиции репродуктивного поведения, а именно: потребность в детях; разнообразные условия жизни семьи, производящие ситуации удовлетворения имеющейся потребности в детях; итоговые

[1] См.: *Дарский Л. Е.* Социально-психологические аспекты демографического поведения и их изучение. — В кн.: Проблемы демографии. М., 1971, с. 177.

[2] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 100.

результаты репродуктивного поведения, обусловленные взаимодействием первых двух элементов и индивидуальной оценкой складывающихся репродуктивных событий. Ясно, что инструментарий такого социолого-демографического исследования выйдет далеко за пределы двух-трех десятков вопросов.

Отдельные недостатки изучения мнений сразу же привлекли к себе внимание. Прежде всего они не явились тайной для самих организаторов опросов; не случайно эти необычные для классической демографии обследования были названы статистикой мнений о рождаемости. Отмечая, что социологические проблемы рождаемости связаны не только с выявлением демографической установки и факторов ее формирования, но и с исследованием реализации установки в репродуктивном поведении супругов, В. А. Белова и Л. Е. Дарский подчеркивали, что «для выяснения этих вопросов даже очень развитая демографическая статистика не может предоставить необходимой информации, ее традиционные источники, основанные на сборе и обработке статистики фактов, не приспособлены к получению такой информации»[1].

На уязвимые места в изучении «помех» к рождению обратила внимание Г. П. Киселева. Хотя экономические «помехи», как и предполагалось, оказались ведущими, осталось неясным, почему на некоторые «причины» из всего набора «причин» нежелания иметь детей не было сделано ни одной ссылки. Даже для выборки в 465 человек это было весьма неожиданным, тем более что опрошенные женщины сами дополнили перечень еще двумя непредусмотренными «причинами»[2].

Недостатки в изучении «причин», побуждающих к ограничению рождаемости, заинтересовали А. Г. Вишневского, который, сопоставив данные Г. П. Киселевой и А. А. Петракова, обнаружил, что в одном случае ни одна женщина не указала, что рождение ребенка помешает учебе, а в другом случае на эту причину сослались 82% женщин, занятых физическим трудом и имеющих возраст до 25 лет. Однако самое важное замечание, на

[1] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 3—4.

[2] См.: *Киселева Г. П.* Из опыта конкретного социально-демографического обследования.— В кн.: Изучение воспроизводства населения, с. 314.

наш взгляд, относилось к тому, как формулировались в анкетах эти «причины».

А. Г. Вишневский резонно спрашивал: что повлияло на такую подачу подсказов о «причинах» нежелания иметь еще детей, где явно сквозило предпочтение экономическим ценностям, а не росту величины семьи? В подсказе «с рождением детей ухудшается материальное положение» «непонятно, почему улучшение материального положения получило такое явное предпочтение перед увеличением числа детей»[1].

И в самом деле, здесь мы сталкиваемся с влиянием ценностных ориентаций самих исследователей, когда «очевидно», что рождение ребенка ухудшает материальные условия и что увеличение числа детей «не вызывает» положительных эмоций. Разумеется, среди респондентов, особенно в городах, так думает большинство, но тем не менее имеется иная категория людей, мыслящих по-другому. Для них ценность семьи с несколькими детьми перевешивает ценность материального благополучия и, возможно, само благополучие семьи прежде всего связывается с наличием нескольких детей, а потом уже со всем остальным. Такие люди не найдут в наборах «причин» подходящих для себя вариантов и, значит, данный недостаток методики опроса позволит упустить из виду какую-то часть важной информации.

Несмотря на целый ряд недостатков, неизбежных в любом начинании, изучение мнений явилось важным шагом вперед в развитии демографического знания. Старые статистические приемы были использованы для непосредственного исследования репродуктивных желаний семьи. И первые же результаты показали, что в далеких друг от друга районах страны желания иметь детей очерчиваются сходной величиной, не превышающей троих детей. Стало ясно, что с течением времени уменьшается и число детей в семье, и само желание иметь их. Поэтому объяснение происходящего сокращения рождаемости «...следует искать не столько в расширении возможностей женщины контролировать число рождений, сколько в изменении ее отношения к желаемому числу детей»[1]. В подобной форме вновь заявляла о себе идея ослабления потребности в детях.

[1] *Вишневский А. Г.* Изучение воспроизводства населения. — В кн.: Демографические тетради, вып. 1, с. 132.

Практика измерения репродуктивных ориентаций поставила перед теорией вопрос о смысле изучаемого явления, о сущности потребности в детях и закономерностях ее изменения. Люди имеют детей меньше, потому что хотят иметь меньше, — вот основной итог изучения мнений. Отныне полученная эмпирическая информация рассматривалась под новым углом зрения: что собой представляют показатели идеального и ожидаемого числа детей, показателями чего собственно они являются, как они связаны с желанием иметь детей, каковы детерминанты этого желания.

В. А. Белова и Л. Е. Дарский первыми почувствовали необходимость соотнести с теорией особенности применявшихся ими на практике показателей мнений о числе детей, ведь до тех пор, пока эти эмпирические измерители пребывают за пределами какой бы то ни было теории, они не могут считаться показателями чего-либо вообще.

Практика социолого-демографических исследований дала новый толчок к развитию концепции «разрыва» между потребностями и возможностями их удовлетворения. Фактически предстояло включить в эту схему потребность в детях, которая, как известно, была исключена из круга потребностей. Чем больше становилось «исследований мнений», тем очевиднее была роль потребности в детях в формировании конечного числа детей в семье. Факты снижения рождаемости и уменьшения желаний иметь детей (обнаруженные при сопоставлении ориентаций женщин разных возрастных поколений) явно противоречили возможному возрастанию потребности в детях, если бы последняя включалась в число «растущих» потребностей.

В создавшемся положении было два противоположных пути. Первый состоял в признании процесса ослабления потребности в детях и тем самым в разрушении концепции «разрыва», так как невозможно утверждать о всех потребностях, что они «растут», когда хотя бы одна из них «не растет», а уменьшается. Для этого требовался радикальный пересмотр всей прежней системы воззрений, что не могло не привести практически к раз-

[1] *Вишневский А. Г.* Указ. соч., с. 131.

работке новой теории, где бы, наконец, обратная связь стала логичной и потеряла бы свою прежнюю «парадоксальность».

По этому пути пошел, по нашему мнению, В. А. Борисов, который в 1970 г. в докладе «Демография и социальная психология», представленном на VII социологический конгресс, сформулировал основные положения теории репродуктивного поведения. Они разрабатывались и уточнялись в его последующих работах и нашли наиболее полное выражение в монографии «Перспективы рождаемости»[1].

Второй путь заключался в такой модификации концепции «разрыва», когда при сохранении основных принципов потребность в детях включалась бы в круг растущих потребностей и одновременно создавалась бы возможность для уменьшения числа детей в семье. Следовало ожидать на этом пути, прямо скажем, весьма неперспективном, возвращения к идее неизменности высокой потребности в детях и необходимости ограничения ее под влиянием разрыва между потребностями и возможностями их удовлетворения.

Новый момент в концепцию «разрыва» вносит в 1969 г. В. П. Пискунов, который отмечал, что уровень рождаемости зависит не только от степени удовлетворения систематически возрастающих потребностей населения, но и от изменений в иерархии самих потребностей. Это положение уточняется, поскольку вводится конкуренция потребности в детях со все большим числом других потребностей. Однако эта конкуренция не опасна для потребности в детях, более того, она, по мнению В. П. Пискунова, обогатит потребность в детях «истинно человеческим содержанием» и тогда в иерархии потребностей потребность в детях займет одно из первых мест[2].

Каким образом все это произойдет, остается неясным, можно лишь думать, что только на определенной стадии общественного производства создастся возможность удовлетворения потребности семьи, например четырьмя детьми, и что в настоящее время реализация такой пот-

---

[1] См.: *Борисов В. А.* Демография и социальная психология. М., 1970; он же: Перспективы рождаемости. М., 1976.

[2] См.: *Пискунов В. П.* Некоторые гипотезы о связи рождаемости с уровнем благосостояния семей. — В кн.: Демографические тетради, вып. 1, с. 36—41.

ребности в детях происходила бы за счет ухудшения качества новой рабочей силы[1]. Во всех этих рассуждениях важна одна деталь: хотя прямо обсуждается проблема потребности в детях, нет даже намека на вероятность ее исторического уменьшения.

В 1970 г. В. П. Пискунов вновь возвращается к данному вопросу и прямо спрашивает: эволюционирует потребность в детях или нет — и дает ответ совершенно определенный: нет. При этом он исходит из уверенности, что эта высокая потребность обладает большой устойчивостью. Снижение рождаемости связывается с «наименьшей степенью» удовлетворения потребности в детях, а прогнозируемое повышение — с полнотой удовлетворения все время пребывающей на высоком уровне потребности в детях. Временный характер снижения рождаемости обусловлен, таким образом, лишь изменениями в условиях жизни семьи, а не изменениями самой потребности в детях, поскольку «социалистическому обществу в отличие от капитализма имманентно не присущи факторы, ограничивающие удовлетворение одной из самых естественных потребностей здорового человека — потребности в производстве потомства»[2].

В. П. Пискунов призывает к специальному исследованию этой «самой естественной» потребности, ибо «что, собственно, можно сказать о такой семье, если мы не знаем, как эволюционирует ее потребность в детях, да и эволюционизирует ли она вообще»[3]. Однако «крайняя необходимость» такого специального исследования остается непонятной, если готов уже заранее ответ: «не исключено ведь,— утверждает В. П. Пискунов,— что эта биосоциальная потребность отличается большой устойчивостью и ее «истинный» объем познают только демографы будущего...»[4].

Итак, потребность в детях не только «неизменна» и «биосоциальна», но весь ее полный объем раскроется в будущем. Неясно лишь, почему именно на будущее переносится выяснение полноты реализации потребности,

---

[1] См.: *Пискунов В. П.* Некоторые гипотезы о связи рождаемости с уровнем благосостояния семей, с. 14.

[2] *Пискунов В. П.* О некоторых теоретических вопросах демографической политики.— В кн.: Демографические тетради, вып. 2—3, с. 41.

[3] Там же, с. 88.

[4] Там же.

действенной активности до благих пожеланий. Этот параметр также не фиксируется при выявлении предпочтений тому или иному числу детей, но именно непосредственное измерение силы установки говорит о вероятности ее реализации.

Соотношение побудительного компонента с другими вызывает много дискуссий в социальной психологии из-за трактовки сущности данного компонента. Вслед за В. С. Комаровским мы считаем, что без содержательного раскрытия специфики субъективного отношения личности к объекту, специфики мотивации не выясняется суть поведенческой стороны установки[1]. Та или иная сила побудительного компонента, и следовательно, потребности в детях, образуется из особенностей репродуктивных мотивов. Без включения их в структуру установки остается непонятной роль установки как регулятора поведения.

О наличии репродуктивных установок можно судить по наличию поведенческого компонента, характеризующего возможность осуществления репродуктивного поведения как такового. До полового созревания индивида не приходится говорить о репродуктивных установках, поскольку сформировавшиеся репродуктивные представления и чувства не воплощаются в действиях. Вообще всякое отсутствие плодовитости свидетельствует о невозможности реализации ее, и в этом, кстати, видна роль физиологических параметров в репродуктивном поведении. Вместе с тем период, предшествующий достижению половой зрелости, связан с формированием «базовых» репродуктивных ориентаций и эмоций и, по-видимому, является решающим для образования установок.

Говоря о репродуктивной установке, мы имеем в виду множество установок, которые можно подразделить на две основные группы. К первой относятся установки детности, регулирующие достижение главного результата репродуктивного поведения, ко второй группе — все остальные установки, так или иначе связанные с практикой контрацепции.

Среди установок первой группы нами выделяются собственно установки на число детей, установки на пол ребенка, установки к беременности и благополучному ее

[1] См.: *Комаровский В. С.* Некоторые проблемы измерения социальных установок. — Вопросы философии, 1970, № 7.

исходу, а также установки на интервалы между рождениями, беременностями и т. п. Установки на число детей измеряются обычно демографами с помощью показателей идеального числа («сколько лучше всего вообще иметь детей в семье»), желаемого числа («сколько хотелось бы иметь детей в семье, если бы для этого имелись все условия») и ожидаемого числа («сколько детей всего вы собираетесь иметь»).

Наибольший интерес представляют данные всех этих показателей, взятые по стране в целом, однако здесь мы располагаем результатами всесоюзных исследований только по идеальному и ожидаемому числу детей. По нашему мнению, из этих двух показателей лишь ожидаемое число может служить отражением установок детности — коэффициент ранговой корреляции Спирмэна между средним ожидаемым числом в союзных республиках и показателем реализации ГМЕР в них составил 0,91[1], т. е. чем меньше в среднем семьи намерены иметь детей, тем меньше они их имеют.

Информация об ожидаемом числе детей наиболее интересна, когда удается проследить динамику показателей. К сожалению, по нашей стране мы имеем возможность сравнить данные за 1969 и 1972 гг., т. е. всего за три года (см. табл. 1), однако даже за столь короткий срок заметно уменьшение ожидаемого числа детей в городе. Как считает Л. Е. Дарский, данные об ожидаемом числе реально выражают тенденции рождаемости, по-

Таблица 1

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР В 1969 И 1972 гг.

Категории населения	1969	1972
Городское население	2,19	2,05
Сельское население	3,32	3,33

Источники: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 129; Сколько детей будет в советской семье, с. 75.

[1] См.: *Борисов В. А.* Возможности и границы социального контроля репродуктивного поведения семьи. — В кн.: Демографическое поведение семьи. Ереван, 1975, с. 121—122.

этому в СССР двухдетная семья представляется наиболее вероятной перспективой на ближайшие 10—15 лет[1].

В нашей стране и за рубежом общенациональные исследования такого рода проводятся недавно, поэтому данных о динамике ожидаемого числа за 20—30 лет не имеется. В связи с этим демографы прибегают к косвенной характеристике динамики при сравнении репродуктивных ориентаций различных когорт по годам вступления в брак. Это сравнение (см. табл. 2) показывает неуклонное уменьшение ожидаемого числа детей во всех рассматриваемых странах.

Таблица 2

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ ЖЕНЩИН В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ МИРА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГОДА ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК

Страна	Год исследования	Ожидаемое число детей	Годы вступления в брак				
			до 1951	1951—1955	1956—1960	1961—1965	1966—1970
Венгрия	1966	2,19	2,47	2,21	2,05	1,87	—
Англия и Уэльс	1967	2,21	2,55	2,42	2,24	1,82	1,71
Чехословакия	1970	2,37	2,77	2,40	2,50	2,29	2,19
Бельгия	1966	2,39	2,72	2,41	2,34	2,17	—
СССР	1972	2,46	2,84	2,70	2,58	2,27	2,14
Украинская ССР	1972	2,02	2,25	2,13	2,08	1,95	1,82
Узбекская ССР	1972	5,32	5,21	5,73	5,96	5,02	4,84
Франция	1972	2,55	2,86	2,94	2,64	2,55	2,15
Дания	1970	2,55	2,71	2,65	2,61	2,45	2,44
Финляндия	1971	2,55	4,00	3,05	2,77	2,34	2,02
Югославия	1970	2,71	3,39	3,05	2,70	2,47	2,13
Польша	1972	2,80	3,45	3,06	2,75	2,47	2,24
США	1970	2,95	3,49	3,41	3,14	2,72	2,50
Турция	1968	5,67	6,61	6,37	5,24	4,52	3,76

Примечание. Страны расположены в зависимости от величины ожидаемого числа детей.

Источники: Фертильность и регулирование размера семьи в Европе в 1970-е годы: сравнительный анализ двенадцати национальных обзоров. ООН. Нью-Йорк, 1976, с. 239; Сколько детей будет в советской семье, с. 75, 102.

Установки на число детей в семье предполагают определение установок к 0—1—2—3 и более высоких очередностей рождения числа детей. О дифференциации опрошенных по установкам на число детей дают представление данные табл. 3.

[1] См.: Сколько детей будет в советской семье. М., 1977, с. 21.

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО И ОЖИДАЕМОГО ЧИСЛА ДЕТЕЙ, ПОЛУЧЕННОЕ ПРИ ОПРОСЕ ЖЕНЩИН В СССР В 1969 г.

	Доля опрошенных, назвавших данное число детей, %							Среднее число детей
	0	1	2	3	4	5	6 и более	
	Идеальное число детей							
СССР	0,4	1,5	41,0	39,4	11,7	2,9	3,1	2,89
Украинская ССР	0,2	1,5	46,8	41,9	7,5	1,6	0,5	2,63
Узбекская ССР	0,4	0,1	20,8	26,9	19,5	6,9	25,4	4,55
	Ожидаемое число детей							
СССР	1,0	15,4	52,6	19,5	5,7	2,4	3,4	2,42
Украинская ССР	1,1	16,9	61,3	17,0	2,6	0,7	0,4	2,07
Узбекская ССР	0,4	5,6	32,7	15,0	13,2	6,5	26,6	4,31

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 93, 103.

Таким образом, за средними величинами ожидаемого числа, превышающими 2,0, четко наблюдаются ориентации на малодетность. Снижение ожидаемого числа с 2,19 до 2,05 среди городского населения страны в 1969—1972 гг. говорит о том, что в авангарде распростране-

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОЖИДАЕМОГО ЧИСЛА ДЕТЕЙ В КРУПНЫХ ГОРОДАХ СССР ПО ДАННЫМ ОПРОСА ЖЕНЩИН В 1969 г.

Город	Доля назвавших данное число, %						Среднее ожидаемое число детей
	0	1	2	3	4	5 и более	
Ленинград	2,3	46,4	46,7	3,7	0,5	0,4	1,55
Москва	1,2	38,6	52,8	6,3	0,6	0,5	1,69
Киев	1,0	30,1	58,2	9,4	0,7	0,6	2,04
Ташкент	0,5	11,2	46,9	19,0	9,5	12,9	2,82

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 109.

ния малодетности идут семьи горожан, причем в крупных городах с населением свыше 500 тыс. человек это еще заметнее: в 1972 г. среднее ожидаемое число в них составило 1,79[1]. Что скрывается за этими средними, видно из данных табл. 4.

Непосредственное измерение установок детности производится на основе техники «семантического дифференциала» с помощью специальной методики, апробированной нами в ряде экспериментальных исследований в 1970—1975 гг. Данные табл. 5 дают представление об установках детности в нескольких городах РСФСР и в Вильнюсе.

Таблица 5

ИНТЕНСИВНОСТЬ УСТАНОВОК ГОРОЖАН К ЧИСЛУ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ

Число респондентов	Установки на число детей в семье				
	0	1	2	3	4
Мужчины и женщины из различных городов РСФСР (107 человек)	—	2,36	2,70	6,27	8,87
Вильнюс: 212 семей	8,68	4,20	1,38	3,11	4,89
мужья (212 человек)	8,16	3,81	1,31	2,95	4,65
жены (212 человек)	8,95	4,58	1,63	3,27	5,54

Примечание. Чем ближе к 0,0 величины семантического дифференциала, тем сильнее установка.

Установки на пол ребенка и на число детей определенного пола исследуются гораздо реже, чем установки детности. И это понятно, так как при распространении малодетности предпочтение мальчика или девочки потеряло свое значение, поскольку ведущую роль играет предпочтение определенного числа детей. В нашей стране проведено несколько локальных исследований, где выяснялась установка на пол ребенка. Самым крупным из них является опрос 1 тыс. женихов и 1 тыс. невест Киева, осуществленный Отделом демографии Института экономики УССР в 1970 г.

При ярко выраженной установке на двухдетную семью (54,3% женихов и 56,1% невест; установка на 3 и более детей составила 12,9% среди женихов и 9,5%

[1] См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 86.

среди невест) самой модной явилась установка на комбинацию «мальчик-девочка», причем комбинация «мальчик—мальчик» в 4—7 раз желательнее, чем комбинация «девочка—девочка». Любопытно, что при среднем желаемом числе детей («сколько вы хотели бы иметь детей»), равном 2,07 у женихов и 2,00 у невест, желаемое число мальчиков составило 1,32 среди женихов и 1,22 среди невест, а желаемое число девочек — 1,12 у женихов и 1,10 у невест[1].

Таким образом, суммарное желаемое число детей, определяемое по полу ребенка, превысило среднее желаемое число — у женихов 2,45 против 2,07 и у невест 2,32 против 2,0. Так как желаемое число выше в среднем, чем ожидаемое, и поскольку ожидаемое число реализуется не полностью и всегда выше фактического, постольку отмеченное выше превышение не имеет никакого практического значения. Едва заметное предпочтение мальчикам находится «под контролем» установок детности.

Данное обстоятельство отмечается и в других странах. Например, Н. Вильямсон отмечает, что «предпочтение малодетной семьи, распространившееся среди большинства американских супружеских пар, совершенно подавляет установки на пол ребенка»[2]. Анализ данных по ряду европейских стран и США показывает, что в малодетных регионах установки на пол ребенка не влияют на число детей в семье, ориентация на сына уже сошла на нет[3].

В развивающихся странах с традициями предпочтения сыновей эти установки продолжают сохраняться. То же самое можно сказать и о тех странах, где издавна существовали установки на дочерей (это отдельные народности и племена в Перу, Новой Гвинее, Северной Австралии, Карибского региона, деревень из Ассама (Индия))[4]. Это показывает, что установки на многодетность в значительной мере связаны с предпочтением детей определенного пола.

Установки на интервалы между рождениями детей изучаются довольно редко. К примеру, при опросе 500 супружеских пар в возрасте до 30 лет в Вильнюсе полу-

[1] См.: *Чуйко Л. В.* Браки и разводы. М., 1975, с. 107.

[2] *Williamson Nancy.* Sons or Daughters (A Cross-Cultural Survey of Parental Preferences). Sage Publications, L., 1976, p. 42.

[3] Op. cit., p. 63.

[4] Op. cit., p. 99.

чены следующие данные о желаемом протогенетическом интервале: на первом году брака — 15,3% всех опрошенных, один-два года — 32,3%, два-три года 33,3%, три-четыре года — 14,7%, четыре и более года — 4,4%[1]. Средний фактический протогенетический интервал в СССР составил по результатам всесоюзного обследования 1967 г. для вступавших в брак в 1955—1956 гг. 1,48 года[2]. По-видимому, установки такого рода, как правило, полностью реализуются и в сжатые сроки, хотя наличие каких-либо препятствий может в отдельных семьях приводить к несоответствию установок и результатов поведения.

В исследовании Москва-1978 и Москва-1976 лишь 20% опрошенных указали на применение контрацепции до первой беременности. Нормы малодетности настоятельно требуют от супругов рождения первенца, тем более что для самих молоденов рождение первого ребенка является символическим доказательством того, что брак состоялся и семья действительно сложилась. В исследовании Москва-1978 наилучшим интервалом посчитали: 32,5% — в течение года после вступления в брак, 53,9% — через 2—3 года и 2,0% — спустя значительное время.

Сходные результаты получены и в исследовании Москва-1976, где соответствие установок на протогенетический интервал с результатами контрацептивного поведения весьма высоко. Ориентированные на появление первенца сразу же после заключения брака в 2,5 раза реже применяли контрацепцию до первой беременности и до первых родов[3].

Измерение установок на интергенетический интервал в исследовании Москва-1978 выявило следующую картину: наилучший интервал между рождениями: один-два

[1] См.: *Каткова И.* Особенности демографического поведения семей в первые годы брака.— В кн.: Молодая семья (Народонаселение), с. 86.

[2] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 147.

[3] В этом пилотажном исследовании было опрошено 117 однодетных женщин, 61 двухдетная, 61 трехдетная и 21 бездетная. Опрос проводился в Ленинском районе Москвы. Случайность отбора респондентов не была обеспечена, поэтому в выборке наблюдаются сильные смещения. Например, среди опрошенных женщин 40% оказались с высшим образованием и 58% специалистов. К данным этого исследования мы обращаемся в тех случаях, когда они оказываются единственными.

года — 25,3%, три-четыре — 46,5, пять-шесть лет — 14,2 и 7 лет и более — 3,8%. Результаты исследования 1967 г. показали, что интервал между первым и вторым рождением больше, чем между последующими рождениями (и равнялся 4,03 года)[1]. Исследование 1960 г. позволило увидеть, что если взять интервал между первым и вторым рождением и сопоставить его с числом детей в семье, то среди двухдетных он выше всего — 4,16 года, среди четырехдетных — 2,69 года и меньше всего среди имеющих 9 и более детей — 2,05 года[2]. Следовательно, чем выше потребность в детях, тем меньше необходимость в контрацепции и тем меньше интервал между рождениями. Установки на малодетность ведут к увеличению интергенетического интервала примерно в 2 раза по сравнению с этим же интервалом в условиях многодетности.

Ослабление потребности в детях связано с распространением установок на более продолжительные интервалы между рождениями. В республиках с низкой рождаемостью по срокам появления второго ребенка можно косвенно составить представление о силе потребности в детях и о тормозящих влияниях условий жизни. Так, в 1945—1956 гг. через 1—3 года после первенца было 43% всех вторых рождений, а в интервале от 3 до 7 лет — 42%[3]. По-видимому, перевес в доле вторых детей, родившихся через 3—7 лет, над родившимися через 1—3 года будет говорить об уменьшении силы установок на второго ребенка и частично о помехах к рождению.

Изучение *установок контрацептивного поведения* осуществляется весьма широко. Установки на применение контрацепции вообще прямо обусловлены степенью реализации потребности в детях и обычно выявляются с помощью вопросов относительно готовности к применению контрацепции. Изучение установок данного типа представляет наибольший интерес там, где еще сохраняется высокая рождаемость, так как эти данные показывают, как ослабление потребности в многодетной семье способствует усилению ограничения плодовитости.

В одном из первых массовых опросов в Тунисе (1964 г.) была выявлена зависимость установок на при-

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 158.

[2] Там же, с. 159.

[3] Там же, с. 161.

современными методами. Вообще говоря, все приведенные данные также могут быть заниженными по той причине, что многие супруги, как отмечает один из специалистов, не считают coitus interruptus методом контрацепции, а рассматривают его в качестве нормальной части полового акта[1].

Распространенность отмеченных выше средств контрацепции не указывает на высокую эффективность их, она просто говорит о том, что при несовершенстве контрацепции предпочтительными являются те методы, которые наиболее психологически удобны для супругов. В одном из исследований в США приводятся такие цифры о надежности контрацепции: доля женщин, забеременевших в течение пяти лет после рождения того ребенка, которым полностью удовлетворялась потребность в детях, составила при применении: химических средств — 6%, кондомов — 45%, незавершенного сношения — 49%, периодического воздержания — 62%. Не случайно поэтому в США все чаще начинают прибегать к контрацептивной стерилизации — в 1970 г. каждая шестая супружеская пара, из тех, кто полностью удовлетворил потребность в детях, оказалась, по данным общенационального обследования, стерилизованной[2].

В условиях сильной мотивации к предпочитаемому размеру семьи и при несовершенстве средств контрацепции (за исключением стерилизации, практика которой наталкивается зачастую на огромные моральные трудности) единственным средством остается искусственный аборт. Проблема искусственного аборта — это проблема создания и широкого распространения эффективных противозачаточных средств, так как прямая зависимость частоты абортов, например, от распространенности метода прерванного сношения несомненна[3].

В исследовании Москва-1976 наиболее распространенными методами были биологический ритм и прерванное сношение, затем механические, химические средства

---

[1] *Ferguson F.* The Planned Parenthood Federation of America. — The Fifth International Conference on Planned Parenthood. L., 1955. Совершенно «естественный» характер этого древнейшего метода отмечается в: *Hawthorn G.* The Sociology of Fertility, L., 1970, p. 38.

[2] См.: Фертильность и регулирование размера семьи в Европе..., с. 318—319.

[3] См. там же, с. 320.

и пероральные таблетки. Самыми удобными и надежными считаются механические средства, затем химические, метод прерванного сношения и гормональные таблетки. Оценку контрацептивным средствам дали примерно 10—20% опрошенных, очень многие не имеют четкого представления об этом. К примеру, половина опрошенных не смогли дать определенного ответа о наличии в аптеках эффективных и удобных средств, причем 30% считают, что их нет, и лишь 20%, что они имеются в продаже. Это говорит о необходимости не только широкого производства совершенных противозачаточных средств, но и рекламы их.

В условиях несовершенства контрацепции аборты остаются единственной возможностью не допустить тех рождений, которые превышают потребность в детях. И эта возможность почти полностью реализуется. По данным исследования Москва-1966 из 2952 беременностей, возникших после достижения желаемого числа детей, 97% привели к аборту, а остальные закончились родами[1]. Данный факт не позволяет поэтому согласиться с высказыванием Л. Е. Дарского, будто «сейчас мы можем предположить, что значительная часть детей — это дети от нежелательных беременностей»[2].

Результаты пилотажного исследования Москва-1976 показали, что любое изучение контрацептивного поведения, не принимающее во внимание степень удовлетворения потребности в детях, рискует остаться напрасной тратой времени. Наивысший процент ответов, одобряющих искусственный аборт, оказался связанным с мнением, что аборт необходим, когда семья полностью удовлетворена имеющимся числом детей. Отметим, что из вариантов ответа о желательности аборта, вслед за указанным мнением, в числе наиболее важных моментов отмечалась опасность для здоровья матери и для здоровья ребенка.

Подчеркнем, что среди женщин, полностью удовлетворивших потребность в детях на момент опроса, одобрение абортов наибольшее в сравнении с теми, кто ожидает еще рождение детей. Последующие исследования установок к аборту должны показать, в какой мере

---

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 131.

[2] Вопросы философии, 1974, № 2, с. 36.

по двум уже позволил бы на основе корреляции между ними, пусть в довольно грубой форме, произвести какую-то оценку полученных измерений. То же самое можно сказать по поводу мнений об ожидаемом и желаемом числе детей. Фактически вся имеющаяся у нас информация в области «статистики мнений о рождаемости» может лишь считаться «достаточно надежной», так как по существующим критериям надежности измерения она не оценивалась и не может быть оценена вообще.

Это упущение особенно заметно на фоне постоянного стремления к соблюдению статистических процедур конструирования выборки и определения ее репрезентативности. Однако тщательная оценка полученных средних величин в репрезентативных выборках лишается смысла при отсутствии контроля за надежностью самих мнений. Самая большая опасность подстерегает в том случае, когда ненадежная информация об установках сопутствует высокой репрезентативности данных. В данном случае больше веры результатам исследования, и поэтому ошибки в измерении установок и мотивов распространяются не только на опрошенных, а на все репрезентируемые ими слои населения.

В публикациях об итогах исследования установок и мотивов следует давать оценки степени надежности, обоснованности и устойчивости измерения. Особенно трудна оценка обоснованности, так как мотивировки не всегда совпадают с подлинными мотивами. Зафиксированные учеными мнения не тождественны мнениям респондента, в свою очередь последние могут быть весьма неадекватными. Отсюда возрастает роль теории: самое искреннее желание помочь при опросе не гарантирует надежность мнения.

По нашему мнению, в вопрос об измерении потребности в детях надо внести уточнение: потребность в детях нельзя зафиксировать только с помощью одних показателей о мотивационных аспектах. Как бы мы ни совершенствовали показатели, измеряющие установки детности, они также не дадут нам полного представления о потребности в детях. Только непременное сочетание системы индикаторов о мотивах и установках с фактическим, имеющимся уже числом детей в семье приближает к измерению потребности в детях, ее количественной стороны.

При этом надо отказаться от мысли одним числом выразить количественную определенность потребности в детях, имеющейся у каких-либо групп и слоев населения. Очень заманчиво, конечно, найти некий универсальный числовой показатель, рассчитать его среднюю величину по городу, селу, по республике, стране и думать, что это тот самый «золотой запас», который будет реализован, если создать все необходимые для этого условия.

Подобный путь может казаться очень удобным для исследования потребности в детях, но он не будет эффективным. По-видимому, включение в процедуру измерения критерия детности, сопоставление с фактическим числом детей ожидаемых результатов репродуктивного поведения делают измерение потребности в детях более обоснованным. Среди однодетных в таком случае определяется доля неудовлетворивших потребность во втором ребенке, среди двухдетных — в третьем и т. д. Только тогда и удастся определить «золотой запас» рождаемости исходя, разумеется, из научного определения целей по управлению потребностью семьи в детях. Если к таковым будут относиться установки на троих детей, то доля семей, реально обладающих ими, и будет в данный момент конкретным представителем той части населения, которая отзовется на меры демографической политики.

Рассмотрим на примере исследований Москва-1976 и Москва-1978, каким образом эмпирически измеряется потребность в детях. Из довольно большого числа показателей установок на число детей в семье нами были отобраны четыре: показатель ожидаемого всего в семье числа детей; ожидаемого еще числа детей (сколько еще детей Вы собираетесь иметь?); желаемого числа детей; показатель стремления иметь детей больше, чем есть (хотелось бы Вам иметь больше детей, чем есть сейчас?). Сопоставление этих четырех показателей с имеющимся числом детей позволило выделить четыре категории индивидов по степени удовлетворенности потребности в детях (см. табл. 7).

Неопределенность ответов связана со всеми вариантами сочетаний, не укладывающимися в указанные четыре категории. Как показали результаты обследования Москва-1976, высокая доля неопределенных ответов по пяти взаимно контролирующим друг друга вопросам

Таблица 7

ИНДЕКС СТЕПЕНИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ДЕТЯХ (ПВД) ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЙ МОСКВА-1976 И МОСКВА-1978, %

Тип ПВД	Показатели числа детей					Москва-1976			Москва-1978
	имеющееся	ожидаемое всего	ожидаемое еще	желаемое	хотят больше, чем есть	однодетные I	двухдетные II	трехдетные III	двухдетные
1. Неудовлетворенная ПВД	N	>N	1 и >	>N	да	18	5	5	7
2. Удовлетворенная частично ПВД (может быть захотят больше)	N	=N	0	>N	нет	25	18	13	56
3. Полностью удовлетворенная ПВД	N	=N	0	=N	нет	3	29	18	32
4. «Переудовлетворенная» ПВД	N	⩽N	0	<N	нет	0	1	8	0
5. Неопределенность ответов						54	47	56	5
Всего						100	100	100	100
Число опрошенных						116	61	60	1 343

оказалась связанной с плохой работой интервьюеров, из-за невнимательности которых при заполнении анкеты респондентом в их присутствии ожидаемое еще число детей часто отождествлялось с ожидаемым всего числом детей в семье. Поэтому эти данные нельзя трактовать как отсутствие определенного мнения о числе детей, что и подтвердилось результатами обследования Москва-1978.

Интересно сопоставить эти данные со средними величинами отдельных показателей предпочитаемого числа детей, которые весьма высоки (см. табл. 8). Сравнение данных этих двух таблиц показывает, что оперирование средними величинами показателей завышает представления о предпочитаемых размерах семьи и не может служить для данной выборки выражением реальной потребности в детях.

Таблица 8

СРЕДНИЕ ВЕЛИЧИНЫ РАЗЛИЧНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕДПОЧИТАЕМОГО ЧИСЛА ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИМЕЮЩЕГОСЯ ЧИСЛА ДЕТЕЙ

Тип детности	Среднее число детей			
	желаемое	идеальное	ожидаемое	планировавшееся до брака
Бездетные	2,40	2,31	1,90	2,27
Однодетные	2,37	2,22	2,21	1,90
Двухдетные	2,85	2,52	2,00	2,29
Трехдетные	3,57	2,54	3,16	2,50
В среднем по исследованию Москва-1976	2,79	2,39	2,31	2,24
В среднем по исследованию Москва-1978	2,80	2,47	2,08	1,93

Очень высокие средние величины желаемого, ожидаемого и идеального числа детей затушевывают реальную картину. Обращает на себя внимание крайне низкий процент тех, кто действительно испытывает потребность в рождении ребенка независимо ни от каких условий (лишь 7% двухдетных москвичек в возрасте до 35 лет хотят третьего)[1].

[1] Эта доля уменьшилась почти в 2 раза по сравнению с результатами опроса москвичек в 1970 г., причем реализация этих намерений не является полной — трехдетные семьи в столице составляют менее 3%.

в многочисленном потомстве и наличие стойких семейных. ориентаций в связи с наличием расширенной семьи. Влияние индустриализации, урбанизации и занятости женщин начинает сказываться среди мобильных слоев населения в продуцировании ситуаций, затрудняющих полную реализацию имеющейся потребности в детях. Здесь все еще сильна посредническая роль расширенной семьи, а процессы автономизации личности и нуклеаризации семьи находятся в начальной стадии.

Сегодня в развивающихся странах происходят быстрые изменения в производстве, технике и образе жизни, но не только за счет внутренних преобразований социально-экономического характера. Внешние влияния социального, культурного и технологического плана трансформируют традиционные системы ценностей и сказываются на мироощущении личности. Сужение функций семьи уменьшает стремление индивида опираться на расширенную семью в удовлетворении потребностей. Ощущение переоценки многих ценностей, обесценивания прежних норм, непривычности новых культурных регулятивов может вызывать сложный комплекс чувств, именуемых часто «чувством отчуждения». Ряд социологов считает, что это состояние личности способно сохранять мотивы высокой рождаемости[1].

По мнению некоторых буржуазных ученых, отчуждение как психическое состояние индивида, сознающего себя игрушкой внешних сил, свое бессилие в достижении личных целей и потому бессмысленность событий, в которых приходится участвовать, может в условиях норм многодетности проецироваться и на область репродуктивного поведения. В этом случае рождение детей происходит как бы помимо воли, случайно, само собой. С другой стороны, чувства одиночества, изоляции, оторванности от мира могут вызвать стремление к единению с людьми, чувство социальной принадлежности — посредством рождения и воспитания большого числа детей[2]. Это объяснение весьма спорно,

[1] *Rance P. L. Lee.* Social Change and Changes in Fertility Motivation. — «Report and Papers...», p. 37.

[2] *Groat H., Neal A.* Social psychological correlates of urban fertility. — American Sociological Review, 1967, vol. 32, p. 945.

однако оно понадобилось здесь в качестве примера того, что в современных условиях повсеместного отмирания многодетности возможно появление новых исторических разновидностей экономических, социальных и, в частности, психологических мотивов многодетности.

В регионах с низкой рождаемостью также происходит не только исчезновение старых аспектов мотивации, но и образование новых, что не меняет сути дела, т. е. доминирования психологических мотивов малодетности. Чувство «отчуждения» может проявляться там, где наблюдается потребительское поведение. Гипертрофия чувства обладания и собственнических отношений вообще может редуцировать «Я» к «овеществленному МОЕ» и вести к такому обеднению жизнедеятельности, когда рождение и воспитание детей будет рассматриваться как дополнительное средство отчуждения индивида от себя самого.

Сохранение высокого уровня рождаемости в развивающихся странах говорит о том, что традиционный уклад жизни, основанный на расширенной системе родства, способен и в новых условиях сохранять многообразные преимущества многодетности. Поэтому там нет «очевидных» экономических и прочих «выгод» небольшой семьи, и, следовательно, программы «планирования семьи», рассчитанные на просвещение населения в области контрацепции, заведомо обречены на неудачу.

§ 4. Снижение рождаемости в СССР до малодетности

В нашей стране процесс сокращения рождаемости, связанный с отмиранием многодетности, характеризуется рядом специфических особенностей, требующих специального исследования.

Сокращение рождаемости и постепенное отмирание многодетности наблюдаются и в республиках Средней Азии.

Результаты всесоюзного обследования 1972 г. показывают, что в Среднеазиатских республиках с каждой новой брачной когортой уменьшается ожидаемое число детей и временно увеличивается фактическое число детей в более молодых когортах, что говорит о постоянном улучшении условий реализации сохраняющейся пока потребности в многодетной семье (табл. 23).

Таблица 22

ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ СССР И АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Республика	Год	Общий коэффициент рождаемости, ‰	Доля рождений пятых и более детей, %
Узбекская ССР	1965	34,7	40,8
	1973	33,7	37,7
Казахская ССР	1965	26,9	25,5
	1973	23,2	24,9
Азербайджанская ССР	1965	36,6	37,4
	1973	25,4	35,8
Киргизская ССР	1965	31,4	38,8
	1973	30,6	34,7
Таджикская ССР	1965	36,8	40,6
	1973	35,6	43,3
Туркменская ССР	1965	37,2	42,7
	1973	34,3	39,4

Источник. Население СССР. 1973 (статистический сборник). М., 1975, с. 73—83, с. 113—133.

Таблица 23

РОЖДЕННОЕ И ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ У ЖЕНЩИН IV ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
(включающей узбеков, таджиков, казахов, киргизов, туркменов и азербайджанцев), состоящих в первом браке

Годы вступления в брак	Все население	Городское население	Сельское население
	Рожденное число детей		
1930—1934	5,10	4,77	5,24
1935—1939	4,91	4,93	4,90
1940—1944	5,47	5,39	5,50
1945—1949	6,01	5,46	6,26
	Ожидаемое число детей		
1950—1954	6,34	5,52	6,66
1955—1959	6,41	5,37	6,83
1960—1964	5,54	4,67	5,99
1965—1969	4,82	3,92	5,33
1970—1972	4,58	3,64	5,14

Источник. *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР. М., 1977, с. 65.

Сокращение рождаемости и распространение малодетности в нашей стране связано с одновременным воздействием на репродуктивное поведение факторов ослабления потребности в детях и факторов ее удовлетворения. В связи с этим можно выделить два периода в распространении малодетности. Первый период, связанный с «вынужденной» малодетностью, характеризуется не преобладанием потребности в двух детях, а повышением доли малодетных семей из-за практики частичной реализации имеющейся у населения потребности в троих и более детях. Второй период связан с «добровольной» малодетностью, когда итоговое число детей связано с реализацией широко распространенной потребности в двоих детях.

В первый период у нас, как известно, имелись трудности, связанные с первой и второй мировыми войнами, с интервенцией, разрухой народного хозяйства. Разрушение браков, диспропорция численности полов, невозможность формирования семьи, отсрочка рождений, ухудшение здоровья и высокий уровень смертности — вот демографические последствия этих неблагоприятных условий.

Частичная реализация существовавшей потребности в троих и более детях наблюдается и позже в связи с трудностями послевоенных лет (вплоть до середины 50-х годов), а также в связи с недостатками условий труда женщин, жилищных условий, коммунально-бытового и транспортного обслуживания, нехваткой детсадов и яслей и т. п. Подобные трудности вели к блокированию репродуктивных установок, к откладыванию рождений «на потом» и, значит, к увеличению доли семей, где практика переносов рождений на будущее приводила в конце концов к росту доли тех, кто так и оставался с «недореализованной» потребностью в детях.

Действие всех названных выше трудностей и способствовало резкому уменьшению (почти в 2 раза за 30 лет) суммарного коэффициента рождаемости в СССР, равнявшегося в 1926—1927 гг. 5,37, до величины 2,81 в 1958—1959 гг.[1] По данным всесоюзного обследования

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 237. В 1975—1976 гг. этот коэффициент уменьшился до 2,389 (в городах до 1,92) (см.: Народонаселение стран мира, с. 74, 81).

1960 г. доля женщин, имевших 4 и более рождения, непрерывно уменьшалась с каждым новым поколением начиная с когорты 1890—1894 гг. рождения, где эта доля составила 74% (64% в городах и 77% в селах). В когорте 1910—1914 гг. рождения данный показатель составил уже 46% (32% в городах и 53% в селах)[1].

Об уменьшении числа рождений в семье можно судить по уменьшению коэффициента суммарной рождаемости женщин 1910—1914 гг. рождения, составлявшего 264 рождения на 100 женщин в городах и 371 в селах, до величины 204 рождения в городах и 329 в селах у поколения женщин 1920—1924 гг. рождения[2]. Для вступивших в брак в 1945—1949 гг. (в республиках с низкой рождаемостью) при продолжительности брака, равной 20 годам, число рождений на 100 женщин составило в семьях рабочих и служащих 239, а в семьях колхозников — 340. Эти и подобные им данные позволили Р. И. Сифман сделать вывод о том, что население СССР в целом (кроме Среднеазиатских республик) прочно встало на путь малодетности[3].

Начиная с 50-х годов факторы ослабления потребности в троих и более детях начинают оказывать все более заметное влияние на сокращение рождаемости и на распространение малодетности, постепенно становясь ведущими. При дальнейшем росте благосостояния советских людей в связи с успехами социально-экономического развития и достижения научно-технического прогресса увеличение доли однодетных и двухдетных семей начинает зависеть лишь от изменения посреднической роли семьи, уменьшения экономических мотивов рождаемости и ориентаций на среднедетную семью.

Кардинальное изменение функций семьи при социализме, связанное со всесторонней помощью государства семье по содержанию и воспитанию детей, ускоряет отмирание экономических мотивов многодетности.

Второй период, по-видимому, можно связать с когортами 50—60-х годов вступления в брак и формирования семьи у поколений 30—40-х годов рождения и последующих лет. Некоторое представление об этих процессах можно составить по дифференциации ожидаемого числа

[1] См.: *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР, с. 95.
[2] Там же, с. 44.
[3] Там же, с. 61, 99.

Таблица 24

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В БРАЧНЫХ КОГОРТАХ, ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫХ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ГРУППАМ

(по всесоюзным опросам 1969 и 1972 гг.)

Годы вступления в брак	Уровень образования и год опроса							
	высшее и незаконченное высшее		среднее общее и специальное		неполное среднее		начальное и ниже	
	1969 г.	1972 г.	1969 г.	1972 г.	1969 г.	1972 г.	1969 г.	1972 г.
I этнодемографическая группа (русские), II группа (украинцы, белорусы, молдаване), III группа (латыши, литовцы, эстонцы)								
1945—1949	2,02	1,88	2,04	2,07	2,36	2,39	2,97	2,83
1950—1954	1,93	1,83	2,02	1,92	2,20	2,17	2,62	2,52
1955—1959	1,87	1,76	2,00	1,93	2,18	2,14	2,54	2,38
1960—1964	1,83	1,72	1,95	1,85	2,18	2,02	2,39	2,05
1965—1969 (1967)	1,78	1,67	1,90	1,79	2,17	1,86	2,10	1,65
IV этнодемографическая группа (узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены, азербайджанцы)								
1945—1949	—	4,05	7,08	5,51	7,95	6,34	7,79	6,04
1950—1954	5,29	4,31	6,23	6,12	7,31	6,48	7,46	6,42
1955—1959	4,33	4,21	5,57	6,11	6,57	6,77	7,48	6,44
1960—1964	3,78	4,05	4,58	5,35	5,76	5,87	6,20	5,74
1965—1969 (1967)	3,76	3,65	4,80	4,79	4,84	5,11	6,73	5,07

Примечание. В исследовании 1969 г. приводятся данные по когорте 1965—1967 гг.

Источники: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 165—166; Сколько детей будет в советской семье, с. 54, 66.

детей в брачных когортах, опрошенных в 1969 и 1972 гг. (табл. 24; следует учесть, что ожидаемое всего число детей в семье сильно смещается при опросе женщин старших возрастов к уже имеющемуся числу детей).

Уменьшение ожидаемого числа у брачных когорт с разницей в 20 лет отражает и некоторое ослабление потребности в детях, тогда как уменьшение ожиданий

между 1969 и 1972 гг. говорит о снижении оценки условий реализации потребности в детях. По данным опроса 1972 г. в целом по стране ожидаемое число у брачной когорты 1935—1939 гг. составляло 3,21, причем в городах 2,82 (в крупных 2,43) и селах 3,73, тогда как через тридцатилетний интервал у брачной когорты 1965—1969 гг. аналогичные показатели значительно меньше и соответственно равнялись 2,14; 1,85 (1,65); 2,83[1].

Исчезновение хозяйственно-производственной функции семьи и частной собственности существенным образом влияет на экономическую причину рождения детей — снижается значимость детей как наследников материальных ценностей и устраняется экономическая зависимость детей от родителей. Оставаясь хозяйственно-потребительской ячейкой общества, семья начинает делить эту функцию с системой общественного обслуживания, питания и т. п. Будучи незаменимой в деле воспитания детей, семья вместе с тем прибегает к помощи общественных институтов; развитие детских садов, интернатов и школ, пионерских лагерей и т. д. позволяет совмещать реализацию этой функции с функционированием других социальных институтов.

Наконец, как отмечает И. С. Кон, «уже появление всеобщего школьного образования до известной степени эмансипирует детей от семьи, ослабляет ее влияние. Чем раньше начинается общественное обучение и воспитание, тем меньше, соответственно, удельный вес семьи. Общность черт, формируемая в процессе коллективного общения и под влиянием средств массовой коммуникации (печать, радио, телевидение, кино и т. д.), все больше перевешивает влияние особенных условий, свойственных той или иной семье. Нравится нам это или нет, этот процесс закономерен и неотвратим»[2].

Данный процесс протекает на фоне отмирания многодетной семьи, исторически исчерпавшей себя, и поэтому эта сторона сокращения рождаемости справедливо не вызывает беспокойства. Однако спонтанный ход событий, влекущий за собой смену многодетной формы семьи другими формами детности, не только связан с обесцениванием многодетности, но и в известной степени — с понижением престижа семьи, семейных ролей семьянина и домашней хозяйки, родительства. Инерция, присущая этому спонтанному ходу, поэтому ведет не только к среднедетности, но и к малодетности. Данный процесс начинается без каких-либо воздействий со стороны органов общественного управления, значит, он и будет продолжаться стихийно. Можно ли в связи с этим сказать, что мы сталкиваемся здесь с явлением отмирания семьи вообще?

На этот вопрос нельзя ответить утвердительно, и вот почему. Если даже и допустить повальное распространение малодетной семьи, то и тогда речь может идти лишь об «отмирании» многодетной и среднедетной семьи, а не семьи вообще. Ложные представления об «отмирании семьи», насколько нам известно, никогда не учитывали демографического аспекта. В подобных теориях[1] внимание сосредоточивалось на свободе брачных и сексуальных отношений, на изменениях форм брака, вопросы рождаемости при этом не обсуждались. По-видимому, в полном соответствии с концепцией «сознательного ограничения» предполагалось, будто рождение детей — настолько «естественный» процесс, что возможно его осуществление и вне семьи. Нам такие суждения кажутся совершенно неверными.

Вместе с тем чрезмерное распространение малодетных семей связано с негативными последствиями не только демографического плана, но и социального, поэтому, собственно говоря, и ставится задача специального воздействия на рождаемость в целях уменьшения доли малодетных семей и увеличения доли среднедетных. Задача укрепления советской семьи не может не учитывать критерия детности, а то обстоятельство, что необходимость материального и морального стимулирования среднедетности не возникала прежде, не должно нас особенно смущать, ибо вся история нашей страны говорит об опыте решения таких проблем, которые не были известны в прошлом.

Перераспределение ценностных ориентаций личности в пользу внесемейных ценностей сказалось и на роли домашней хозяйки для женщины и роли семьянина для мужчины. Это связано со снижением престижа домашнего труда в общественном мнении. Профессиональная де-

---

[1] См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 77.
[2] *Кон И. С.* Социология личности, с. 129.

[1] См.: *Семенов Ю. И.* Как возникло человечество, с. 278.

ятельность женщины ценится выше, чем занятость по дому. В обиходе и в научной литературе домашние хозяйки исключаются из числа «работающих женщин» и попадают в «неработающие женщины». Порой в газетах, кино, по радио звучат нотки огульного оценивания домашнего хозяйства и труда лишь как «бремени», а семейный уют, семейный быт часто ассоциируются с мещанством.

Семья, дети, домашнее хозяйство по этим причинам у части женщин не вызывают особого энтузиазма и могут рассматриваться как препятствие к более почетной общественно-профессиональной деятельности. Иногда в периодической печати все семейное и домашнее отождествляется с патриархальным укладом, и в такой форме противопоставляется прогрессивному воздействию занятости женщин в общественном производстве на развитие личности. К тому же следует учесть, что матери, родившие и воспитавшие троих и более детей в семье, могут не набрать необходимого числа лет производственного стажа для пенсии[1].

Имеющиеся у нас до сих пор недостатки по пропаганде семейного образа жизни, по укреплению семейных ролей мужчин и женщин, по усилению общественной значимости домашнего быта и труда находят отражение в различных исследованиях ценностных ориентаций личности. Приведем некоторые примеры в этой связи.

Исследование ленинградских молодых рабочих (до 30 лет), проведенное под руководством В. А. Ядова в 1962 г., показало, что оценка значимости семьи и домашнего труда в сравнении с другими видами деятельности (всего оценивалось 23 вида) не является самой высокой, она занимала соответственно 5-е и 8-е места. Только половина опрошенных из 2665 человек намерена больше времени проводить с семьей, причем скорее всего именно та половина, которая являлась на момент опроса семейной (таковых было 1339 человек). В этом исследовании ориентация на семью отмечена среди 41,6% общего числа опрошенных; поскольку по условиям опроса респондент мог одновременно отметить несколько видов деятельности, внесемейные ориентации составили 85,6% среди опрошенных[1].

Другое социологическое исследование молодежи в Ленинграде, проведенное С. Н. Иконниковой и В. Т. Лисовским в 1966 г., выявило, что жизненные ориентации 2204 человек в возрасте до 30 лет на воспитание детей и встречу любимого человека вышли на 6-е и 7-е места по своей значимости, а ориентации на создание семьи — на 10-е место (следует учесть, что 30% опрошенных уже состояли в браке). Сопоставление жизненных планов женщин и мужчин показывает, что престиж интересной работы, высшего образования, повышения своей квалификации, путешествий за границу, а также материального благополучия в равной мере выше престижа семейных ценностей[2].

Опрос относительно ближайших жизненных планов среди сельской молодежи до 30 лет показывает более высокую значимость ориентаций на семью, чем в городе. Колхозная молодежь из Орловской области характеризуется существенными различиями ориентаций мужчин и женщин. Так, если у мужчин 20—24 лет на первом месте стояла направленность на образование и получение специальности, затем на материальный достаток, то на последних местах — ценности воспитания детей и достижение хороших взаимоотношений в семье (подчеркнем, что последние отмечались в 9 раз реже). Для мужчин 25—29 лет на первом месте оказывается воспитание детей, а затем уже продолжение образования и получение специальности.

Иная структура у женщин: среди 20—24-летних на первых местах стояли воспитание детей и материальный достаток, а затем уже ориентация на образование и профессиональную специализацию. Среди 25—29-летних женщин структура ориентаций та же, только воспитание детей значимее образования не в 2 раза, а в 7 раз. Любопытно, что у мужчин с начальным образованием ориентация на воспитание детей в 3 раза сильнее, чем на получение образования, а у женщин — в 10 раз. У муж-

---

[1] Основные причины перерывов в производственном стаже женщин (семейных вообще — без учета числа детей), опрошенных в Ленинграде и Костроме, связаны с родами — 64% и с болезнью детей — 9,5% (см.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья, с. 62).

[1] См.: Человек и его работа/ Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М., 1967, с. 248—252.

[2] См.: *Иконникова С. Н., Лисовский В. Т.* Молодежь о себе, о своих сверстниках. Л., 1969, с. 90—91, 101—102.

чин и женщин со средним и неполным средним образованием получение образования в 2—3 раза ценнее, чем воспитание детей[1].

Уровень образования тесно связан с внесемейными ориентациями. Исследования 1250 рабочих двух предприятий Вильнюса в 1970 г. выявило, что по фактическим затратам свободного времени занятия домашним хозяйством и уход за детьми (ориентация на семью) находятся на первом месте среди имеющих образование до 7 классов, на втором месте — для имеющих 7—9 классов и на четвертом месте — для рабочих со средним образованием и выше. При ответах на вопрос о том, на что хотелось бы тратить больше времени, усиление внесемейных ориентаций с повышением образования еще заметнее.

В названных трех группах по образованию ориентация на семью стала слабее: в I группе с первого места переместилась на второе, во II и III группах оказалась на четвертом месте, причем резко уменьшилась доля респондентов, отмечающих данную ориентацию, в сравнении с фактическими затратами времени. В I группе по образованию эта доля сократилась с 64,2 до 41,0%, во II группе — с 46,2 до 23,4, в III группе — с 36,4 до 14,4%[2].

Аналогичные результаты наблюдаются и в других исследованиях. В целом, как свидетельствуют данные Таганрогского обследования, «у более образованных женщин более четко выражены стремления к превращению внерабочего времени в «поле» для развития и совершенствования личности»[3]. Домашний труд, домашний отдых, воспитание детей уступают место видам деятельности, связанным с внесемейными ценностями. Особенно сильно образование влияет на снижение ценности домашнего труда и прежде всего у женщин[4]. Именно у женщин с повышением образования заметнее всего происходит обесценивание таких видов домашнего труда, как стирка и глаженье белья, уборка квартиры, ремонт помещений, «кухонные работы». Приобретение товаров в магазинах при этом может вызывать негативные оценки в зависимости от продолжительности времени, проводимого в очередях. Однако даже самые «неприятные» работы, связанные с приготовлением пищи, нельзя оценивать лишь отрицательно.

В общественном мнении «бремя» домашнего труда в значительной мере ассоциируется с «кухней», тем не менее «питание дома, — как отмечают социологи Л. А. Гордон и Э. В. Клопов, — это не только способ удовлетворения физиологических потребностей, но и своеобразная форма семейного общения; нередко случается, что все члены семьи собираются вместе лишь за обедом или ужином — и целесообразны ли попытки «отменить» эти семейные форумы?»[1].

Добавим к этому, что все виды домашнего труда могут быть объективным средством интеграции членов семьи, воспитания детей. Отсюда следует, что домашнее времяпрепровождение служит показателем ориентаций на семью, и низкая величина этого показателя — это вряд ли так уж и хорошо. Разумеется, перегруженность домашними делами не отождествима с домашней работой вообще, и поэтому следует всячески приветствовать механизацию быта и промышленное производство полуфабрикатов.

Опрос в Таганроге выявил нехватку времени на домашние дела у $^2/_3$ женщин и $^1/_4$ мужчин[2]. При этом выяснилось, что и воспитанию детей фактически уделяется меньше времени, чем хотелось бы отцам и матерям с несовершеннолетними детьми[3]. Время на занятия с детьми в структуре затрат времени находится на одном из последних мест и, не различаясь в группах по уровню образования, существенно видоизменяется по доходу и жилищным условиям. Тенденция к внесемейным ориентациям прослеживается в связи с тем, что у хорошо обеспеченных рабочих время на занятия с детьми сокращается по сравнению с малообеспеченными (душевой доход менее 50 руб. в месяц) — соответственно 4,5 ч в не-

---

[1] См.: Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование/ Под ред. В. Н. Колбановского. М., 1970, с. 189, 192.

[2] См.: *Григас Р.* Общее образование рабочих как фактор культуры свободного времени. — В кн.: Социальные проблемы свободного времени трудящихся. Вильнюс, 1974, с. 206—207.

[3] *Клопов Э., Андрукович Л.* Влияние уровня образования на выбор деятельности во внерабочее время.— В кн.: Социальные проблемы свободного времени трудящихся, с. 268.

[4] См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. М., 1972, с. 110—125.

[1] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы, с. 118.

[2] Там же, с. 127.

[3] См.: Социальные проблемы свободного времени трудящихся, с. 265.

делю в расчете на одного условного рабочего и 6,1 ч. Сходная картина наблюдается по жилищным условиям: в домах со всеми коммунальными удобствами тратится 4 ч в неделю, а у рабочих, живущих без коммунальных удобств, — 5,4 ч[1].

Внесемейные ориентации сильнее всего проявляются у молодежи с высшим образованием. Анализ ответов 797 молодых инженеров, принявших участие в опросе Института общественного мнения «Комсомольской правды» в 1961 г., показал, что создание хорошей семьи и воспитание достойных детей рассматривается в качестве цели жизни лишь у 8,8% опрошенных (в 3 раза меньше, чем у более престижных ценностей жизни) и занимает четвертое место в иерархии ценностей[2].

Представляет интерес рассмотрение структуры затрат суточного времени с точки зрения определения доли времени, проводимого вне семьи и дома, за пределами жилища. На наш взгляд, это также характеризует систему ценностных ориентаций личности, поскольку неизбежно оказывает на нее воздействие. Ряд исследований, проведенных в 1960—1961 гг. в Москве, Подмосковье (Болшево) и Новгороде, показывает, что больше половины недельного свободного времени трудящиеся проводят в стенах дома. Однако надо учесть, что при этом 60% времени в будние дни тратится на сон. Поэтому, если сопоставить оставшуюся от сна часть времени с затратами времени на производстве и вне дома, то сравнение окажется в пользу внесемейного времяпрепровождения (43,1% у женщин и 46,8% у мужчин). Причем больше всего пребывают вне дома мужчины и женщины до 25 лет, а также одинокие люди, не состоящие в браке и не имеющие детей[3].

---

[1] См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В., Оников Л. А.* Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977, с. 150. Время на воспитание детей по предполагаемому использованию дополнительного свободного времени занимает в структуре затрат времени у женщин с незаконченным высшим образованием четвертое-пятое место (из тринадцати), у мужчин такого же уровня образования — четвертое (см.: Человек после работы, с. 60—61 «Приложения» к книге).

[2] См.: *Грушин Б., Чикин В.* Исповедь поколения. М., 1962, с. 246.

[3] См.: *Кряжев В. Г.* Внерабочее время и сфера обслуживания. М., 1966, с. 81—83.

Общеизвестно, что в силу сохранения социальных норм распределения домашних обязанностей между мужьями и женами основная забота о доме и семье ложится на плечи женщины, у мужчин имеется больше времени для отдыха и досуга. Дополнительно к этому, урбанизация действует в сторону сокращения затрат времени на те виды домашнего труда, которые были традиционно мужскими в сельской семье (водопровод отменяет заготовку воды, паровое отопление — заготовку дров, коммунально-бытовое обслуживание облегчает ремонт городских жилищ и т. п.). Образование мужских компаний в сочетании с внесемейной направленностью досуга способствует ряду негативных явлений, в том числе разводам[1].

Факт бытового неравенства женщин с мужчинами, отмеченный Л. А. Гордоном и Э. В. Клоповым на основе бюджетов времени, используется для объяснения ограничения рождений в семье, т. е. для объяснения частичной реализации имеющейся потребности в детях, обычно более высокой до вступления в брак. По их мнению, материнство для современной горожанки сопряжено с отказом от того фактического «бытового равенства», которым пользуются девушки в родительской семье и одинокие женщины до замужества, до появления первенца. В связи с этим отмечается возрастание относительной трудности материнства и воспитания детей[2].

Ссылка на «бытовое равенство» не совсем точна, так как необходимо учитывать долю внесемейных затрат времени у девушек до замужества. Этого равенства нет и в первичной родительской семье, так как девочки приучаются с детства к женским видам труда, а мальчики больше времени проводят вне дома[3]. Однако важна продолжительность периода жизни до вступления в брак, т. е. чем этот период дольше, тем шире и устойчивее опыт внесемейного поведения и общения, тем сильнее установки на внесемейные формы жизнедеятельности. Поэтому распространение ранних браков и уменьшение брачного возраста можно расценивать как положительное явление, так как увеличивается вероятность полной

---

[1] См.: *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы, с. 120—125, 138, 242.

[2] Там же, с. 241.

[3] См.: Социологические проблемы образования и воспитания/ Под ред. Р. Г. Гуровой. М., 1973, с. 32—33.

реализации имеющейся потребности в детях в связи с уменьшением дополнительных внесемейных ориентаций.

Л. А. Гордон и Э. В. Клопов совершенно верно считают перераспределение системы ценностей личности ведущим моментом процесса сокращения рождаемости среди городских женщин: «Разумеется, резкий переход от условий равенства к бытовому неравенству — не единственная причина снижения рождаемости. Едва ли не большее значение имеет повышение роли творческого труда и свободного времяпрепровождения в системе ценностей, влияющих на поведение человека. В сущности, здесь также происходит возрастание относительной трудности материнства, ибо его условием становится хотя бы частичный отказ от ценностей труда и досуга...»[1].

Итак, отмечаемое многими исследователями сужение функций семьи и прежде всего неспецифических функций имеет одним из своих последствий распространение внесемейных ориентаций. В свою очередь проведенные выборочные исследования ценностных ориентаций личности, обнаруживают (среди молодежи в особенности) недостаточную интенсивность ориентаций на семью и детей. Не случайно поэтому в этих исследованиях среди семейных людей преобладает малодетность.

Вместе с тем, поскольку эта работа велась социологами и не преследовала решения каких бы то ни было демографических задач, постольку следует констатировать факт отсутствия специальных наблюдений за взаимосвязью непосредственно измеряемых ценностных ориентаций и показателей фактического и предпочитаемого числа детей. До сих пор только в трех отечественных исследованиях (Вильнюс-1976, Москва-1976 и Москва-1978) осуществлены подобные измерения, причем методика анализа такова, что позволяет сопоставить возможное изменение доли внесемейных ориентаций со структурой репродуктивных установок и мотивов.

Следует отметить, что в настоящее время только факт обратной связи косвенно отражает воздействие внесемейных ориентаций при коррелировании показате-

[1] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы, с. 241. Отметим также, что при повторном исследовании установок ленинградской рабочей молодежи в 1976 г. В. А. Ядов обнаружил особенно радикальные сдвиги в сторону повышения интереса к содержанию труда у женщин (см.: *Ядов В.* Человек на работе. — Комсомольская правда, 1978, 9 февр.).

лей рождаемости среди городского и сельского населения, среди различных классов и социально-профессиональных групп, а также этнических групп, среди категорий с разным уровнем дохода и образования и при сравнении этих показателей у женщин, занятых в домашнем хозяйстве и занятых в общественном производстве. Наиболее распространенной при этом оказалась обратная связь рождаемости с уровнем образования, но, к сожалению, она интерпретировалась искаженно; считалось, будто повышение образования характеризует расширение практики контрацепции и эффективность ее применения. Отсюда малодетность оказывалась якобы признаком «высокой культуры», а многодетность и среднедетность — «низкой». Однако рост образования всего лишь сигнализирует, по мнению В. А. Борисова, об уменьшении значимости потребностей, связанных с родительством, с наличием нескольких детей в семье[1].

Сильнее всего это обнаруживается в регионах с низкой рождаемостью, если рассматривать этот вопрос в зависимости от числа рожденных детей, а также по ожидаемому числу детей (табл. 24). В республиках с высокой рождаемостью в отдельных группах происходят отклонения по каким-либо случайным обстоятельствам, не контролируемым в обследованиях. Но в целом обратная связь наблюдается четко и особенно между группами со средним и выше образованием и группами с образованием ниже среднего.

Иногда некоторые демографы считают, что обратная связь между образованием и рождаемостью не подтверждается в регионах с высокой рождаемостью. Таково мнение О. Ата-Мирзаева, сделавшего подобный вывод на основе нижеследующих результатов исследования 1616 женщин с четырьмя и более детьми в Ташкенте в 1976 г.

Группа с высшим образованием «испортила» тут всю картину, однако обратная связь несомненна при сопос-

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 158. Это подтверждается также обратной связью между образованием и индикаторами (кроме психологических мотивов) репродуктивных мотивов: в исследовании Вильнюс-1976 при повышении образования от начального к высшему доля социальных мотивов уменьшается с 39,4 до 29%, экономических мотивов — с 9,1 до 2,0%, а доля психологических мотивов увеличивается от 51,5 до 69%. (По каждому уровню образования все три типа мотивов составляют 100%.)

Таблица 25

СРЕДНЕЕ ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПО I—III И IV ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ГРУППАМ

Уровень образования	Среднее ожидаемое число детей			
	I—III группы		IV группа	
	1969 г.	1972 г.	1969 г.	1972 г.
Начальное и ниже	2,58	2,55	7,28	5,83
Неполное среднее	2,24	2,12	6,52	5,95
Среднее общее и специальное	1,98	1,94	5,26	5,16
Высшее и незаконченное высшее	1,86	1,75	4,11	3,89

Источники: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 149; Сколько будет детей в советской семье, с. 63—64, 69.

Таблица 26

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ИМЕЮЩИХСЯ ДЕТЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ТАШКЕНТЕ В 1976 г.

Образование	Число опрошенных	Среднее число детей		
		всего	у занятых в общественном производстве	у не занятых в общественном производстве
Высшее	160	5,1	5,0	5,5
Незаконченное высшее	19	4,5	4,4	4,8
Среднее специальное	126	4,7	4,6	5,0
Среднее общее	243	5,1	4,7	5,5
Неполное среднее	474	5,9	5,8	6,0
Начальное	594	6,1	5,9	6,2

Источник. *Ата-Мирзаев О.* Многодетная женщина: социально-демографический анализ. — В кн.: Женщины на работе и дома, с. 31.

тавлении групп с образованием ниже среднего и выше. Возможно, в сравнительно малочисленной группе с высшим образованием может быть завышена доля старших возрастов или доля с более высоким доходом, тогда при потребности в детях, близкой к пяти, ее степень

удовлетворения повышается. Аналогично у имеющих начальное образование и ниже показатели рождаемости могут быть чуть меньше, чем у имеющих неполное среднее образование; по-видимому, при одинаковой потребности в детях условия ее реализации могут быть хуже. Например, во всесоюзном обследовании 1967 г. среди рабочих и служащих в IV энтодемографической группе среднее число рождений было 3,90 и 4,04 у имеющих начальное и неполное среднее образование, тогда как в группе со средним общим и специальным образованием оно составило 3,74, а с высшим и незаконченным высшим — 3,30[1].

В Среднеазиатских республиках при лаговом эффекте репродуктивных норм сохраняется потребность в многодетности, которая в связи с улучшением условий жизни может реализоваться полнее. В отдельные периоды, возможно, воздействие факторов реализации потребности в детях способно перекрывать общую (и медленную по скорости) тенденцию межпоколенного ослабления потребности в детях. Однако в целом данные статистики, переписей населения и выборочных обследований свидетельствуют о процессе распространения внесемейных ориентаций и потребностей, отличающемся тем, что он происходит в пределах многодетности, приближаясь к границе среднедетности.

Более того, некоторые данные позволяют высказать предположение о том, что интенсивность недореализации имеющейся потребности здесь выше, чем в европейской части страны. Расхождение между репродуктивными ориентациями и конечным числом детей в семье в конце репродуктивного периода в Среднеазиатских республиках примерно в 3—3,5 раза больше, чем в республиках с низкой рождаемостью. Средневзвешенная разность между ожидаемым и фактическим числом детей (позволяющая элиминировать влияние абсолютной величины среднего числа детей) составила в Среднеазиатских республиках у брачных когорт со стажем брака 20—25 лет для женщин с начальным образованием 0,142 и с высшим — 0,10. Аналогичные показатели составили 0,041 и 0,30 у женщин остальных республик, состоящих в браке 15—20 лет[2].

[1] См.: *Бондарская Г. А.* Рождаемость в СССР, с. 82.
[2] Рассчитано по: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 166—167.

По нашему мнению, это свидетельствует о том, что Средняя Азия и Азербайджан, в послевоенное время в особенности, находятся во второй фазе демографического перехода, для которой, по мнению А. Я. Кваши, характерно падение рождаемости при продолжающемся снижении смертности[1]. Но это снижение интенсивности рождаемости только в городском населении переходит нижнюю границу многодетности, в сельской местности идет интенсивный процесс ослабления потребности в многодетности, приближающийся до уровня потребности в пяти детях.

Сегодня мы являемся свидетелями такого сокращения рождаемости в Среднеазиатских республиках, когда начинается очень важный переход от многодетного типа репродуктивного поведения к среднедетному. С научной точки зрения изучение этого процесса представляется гораздо более важным, чем, например, переход в рамках малодетности от двухдетности к однодетности. Высокая вариабельность среднего числа рождений позволяет в углубленных исследованиях репродуктивного поведения получить информацию о влиянии уменьшения потребности в детях и условий ее реализации на снижение конечного числа детей.

При этом представляется возможность проконтролировать в различных социальных группах дифференциацию результатов репродуктивного поведения под влиянием объективных помех и под воздействием псевдопомех, т. е. когда внесемейные ориентации и потребности вызывают негативную оценку семейных условий (объективно благоприятных) с точки зрения вероятности полной реализации имеющейся потребности в детях. К тому же можно будет уточнить демографический смысл отдельных показателей предпочитаемого числа детей.

Например, уже сейчас факт меньшей величины идеального числа детей в сравнении с величиной ожидаемого числа[2] (совершенно противоположный тому, что наблюдается в этом отношении в европейской части страны) говорит о необоснованности отождествления идеального

[1] См.: *Кваша А. Я.* Этапы демографического развития СССР.— В кн.: Факторы рождаемости/ Под ред. А. Г. Волкова. М., 1971, с. 78.

[2] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 166.

числа детей с «полной» потребностью в детях. Подобное занижение величины идеального числа, по-видимому, отражает осведомленность всех слоев населения о «необычной» демографической ситуации в Средней Азии, а также характеризует воздействие текущих условий на понижение престижа семьи с пятью и более детьми.

Система ценностных ориентаций — более подвижный элемент, чем система потребностей, в том числе и чем потребность в детях. Поэтому изменения в общественном мнении скорее отпечатываются в изменениях системы ценностных ориентаций личности, в изменениях оценок репродуктивных ситуаций. Изменение оценок многодетности и отражает обсуждаемый факт, характеризуя влияние немногодетных ориентаций. Кроме того, превышение ожидаемого числа детей над идеальным говорит о бо́льшей близости данного показателя к потребности в детях. И она заставляет реально ожидать то число детей, которое превышает даже «идеальное». В этом проявляется действие социокультурных норм высокой рождаемости, а не пресловутого «низкого» культурного уровня.

Таблица 27

СООТНОШЕНИЕ ВЕЛИЧИН ОЖИДАЕМОГО И ИДЕАЛЬНОГО ЧИСЛА В IV ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

Уровень образования и годы вступления в брак	Среднее число детей		Разность между идеальным и ожидаемым*
	Идеальное	Ожидаемое	
Высшее и незаконченное высшее:			
1950—1954	5,00	5,29	—0,29
1955—1959	4,59	4,33	+0,26
Среднее общее и специальное:			
1955—1959	5,25	5,57	—0,32
1960—1964	4,78	4,58	+0,20
Неполное среднее:			
1960—1964	5,44	5,76	—0,32
1965—1967	5,42	4,84	+0,58

* Рассчитано нами.

Источник. *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 166.

Интересно отметить, что переход к превышению идеального числа над ожидаемым совершается именно на рубеже 5 детей. Данное обстоятельство эмпирически подтверждает, что нижней границей многодетности следует действительно считать пятидетную семью (табл. 27).

Для понимания процесса распространения малодетности в регионах с низкой рождаемостью под влиянием факторов межпоколенного уменьшения потребности в детях требуется всесторонняя информация о динамике процессов индустриализации, урбанизации, научно-технического развития, совершенствования коммуникации и средств сообщения, роста благосостояния, культуры и т. д. В рамках воздействия этих процессов на рождаемость важно исследовать качественные изменения образа жизни, определить тенденции дальнейшего развития. В связи с этим представляет интерес выяснить, как при этом скажется движение социальной структуры социалистического общества к однородности, стирание граней между умственным и физическим трудом, между городом и деревней.

Следует согласиться с мнением В. А. Борисова, что дальнейшая урбанизация, связанная с увеличением доли городского населения и проникновением городского образа жизни в деревню, дальнейшее укрепление социальной однородности советского общества, стирание социально-профессиональных различий, рост профессиональной квалификации женщин, рост уровня жизни, образования и культуры указывают на перспективу нивелирования показателей рождаемости в пределах малодетности (разумеется, при условии невмешательства социального управления в стихийный ход событий)[1].

В настоящее время в регионах с низкой рождаемостью наименьшие коэффициенты рождаемости наблюдаются среди жителей крупнейших городов, у рабочих и служащих с высшим образованием и уровнем душевого дохода, среди профессий высококвалифицированного умственного труда и преобладанием элементов творчества. К этому типу репродуктивного поведения постепенно переходят все остальные группы населения, причем быстрее в тех слоях, где больше мобильность в изменении отдельных характеристик социально-экономического положения. Среди наиболее мобильных индивидов и семей можно ожидать в дальнейшем такое распространение внесемейных ориентаций и потребностей, которое будет способствовать укреплению потребности в единственном ребенке.

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 111, 115, 127, 132, 140, 141.

Для более полного понимания действия факторов изменения функций семьи на ослабление потребности в детях следует обратить внимание на то, что наряду с усилением внесемейных ориентаций эти факторы способствуют повышению уровня требований к родителям по содержанию и воспитанию детей, в то время как круг обязательств детей перед родителями сужается. Другими словами, одни и те же процессы в силу существования противоречия рождаемости одновременно порождают не всегда совпадающие между собой требования.

Ослабление экономических и социальных мотивов рождаемости уменьшает отдачу и зависимость детей от родителей, тогда как идеалы формирования гармонически развитой личности в условиях научно-технической революции предъявляют повышенные требования к уровню воспитания и содержания детей в семье. Эти требования к родителям дополняются требованиями к профессиональной подготовке самих родителей, к уровню их социальной активности[1].

Объективная необходимость найти пути совмещения указанных требований в неизменных пределах суточного бюджета времени создает трудности для родителей, которые проявляются прежде всего в нехватке времени для успешного сочетания противоречивых требований. Проблема совмещения принимаемых индивидами требований относительно профессионально-социальной активности и относительно родительских функций особенно осложняется среди женщин. У них нехватка времени на выполнение семейных и профессиональных ролей заметно отражается и на уровне достижений.

Для личности противоречие рождаемости выступает как противоречие между растущими требованиями к себе и своему образу жизни и собственными требованиями к уровню воспитания и содержания детей. Лимити-

[1] См.: Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

рованность суточного и недельного бюджета времени заставляет выбирать для первоочередного удовлетворения требований наиболее важные. В этом случае дает о себе знать смещение индивидуальной шкалы ценностей в сторону внесемейных ориентаций. Психологическая напряженность снимается за счет отказа от самых слабых жизненных ориентаций. В условиях ослабления потребности в нескольких детях и с учетом того, что меньшее число детей в семье прямо связано с проблемой дефицита времени, становится ясным, что конфликт ценностных ориентаций личности сопряжен с усилением частичной реализации имеющейся потребности в детях, с дальнейшим распространением малодетности.

Иного разрешения данного противоречия и не может быть, и дело не столько в трудностях самих по себе, сколько в изменении шкалы ценностей, где значительно повысилась, кстати говоря, и ценность самого времени. Объективные трудности родительства нельзя не учитывать — целый ряд недостатков, еще сохраняющихся в настоящее время, усугубляет дефицит времени и образует один из критериев выявления неблагоприятных условий удовлетворения потребности семьи в детях.

Отставание сферы общественного обслуживания от темпов вовлечения женщин в общественное воспроизводство является одним из негативных моментов. Ориентированность многих форм обслуживания на одиночку, а не на семью, показывает истоки неудовлетворительного качества обслуживания семьи. Количественная сторона дела при этом связана с необеспеченностью детскими дошкольными учреждениями[1], с недостаточной широтой сети коммунально-бытовых учреждений, сети торгового обслуживания семьи, с недостатком форм подобного обслуживания семей на дому, что сказывается на сокращении свободного времени родителей, поскольку время на домашнее хозяйство имеет четкую величину минимально необходимых затрат. Внутригородские переезды, средства коммуникации также сокращают бюджет времени.

Имеющиеся в ряде мест несовершенства производственных условий женщин-работниц, связанных с воздействием специфики труда на функцию материнства, с продолжительностью рабочего дня, со сменностью работы, с удаленностью места работы от места жительства, с возможностью приспособить график работы к уходу за детьми, также относятся к неблагоприятным условиям реализации потребности в детях.

[1] В 1977 г. детские дошкольные учреждения посещало около 40% всех детей дошкольного возраста (см.: *Янкова З. А.* Городская семья. М., 1979, с. 175).

Среди недостатков материального положения семей с несколькими детьми следует отнести недостаточность семейных пособий для выравнивания уровня жизни по критерию детности, недостаточная направленность общественных фондов потребления на первоочередное стимулирование семей с несколькими детьми.

Устранение названных недостатков приведет к увеличению свободного времени, будет способствовать лучшему совмещению противоречивых требований, улучшению образа и уровня жизни семьи, создаст благоприятные условия для удовлетворения имеющегося уровня потребности в детях. Дальнейший рост благосостояния и культуры, дальнейшие успехи в построении материально-технической базы коммунизма автоматически улучшают условия, необходимые для полной реализации существующей потребности в детях. При этом рост доходов семьи, по нашему мнению, ни в коей мере не предполагает возможного усиления потребности в детях.

Следует несколько подробно остановиться на этом вопросе, так как повышение уровня жизни способствует одновременно и более высокому соответствию между фактическим числом детей и потребностью в детях, а также созданию лучших условий для реализации внесемейных потребностей членов семьи. Взаимодействие этих двух факторов иногда приводит к обнаружению прямой связи между общим доходом семьи и числом рождений[1], хотя душевой доход дает обратную связь с рождаемостью и с показателями репродуктивных установок.

Вопрос о связи рождаемости с доходом до сих пор остается самым спорным, хотя иногда именно с повышением благосостояния связываются надежды на повышение

[1] Только в четырех отечественных исследованиях обнаружена прямая связь между общим доходом и показателями рождаемости (Горький-1962, Москва-1966, Минск-1970 и во всесоюзном бюджетном обследовании 1972 г.), причем в двух последних исследованиях одновременно наблюдается обратная связь по среднедушевому доходу, что также требует своего объяснения.

рождаемости, причем на такое повышение, которое якобы зависит от спонтанного усиления желания иметь детей. К примеру, А. Я. Кваша, Г. П. Киселева, В. В. Бодрова и Н. А. Таубер пишут, что «...нельзя исключить возможность того, что в силу «психологической усталости» от малодетности произойдет некоторое увеличение рождаемости и без демографической политики, но, как нам кажется, при условии быстрого роста жизненного уровня»[1].

Так как загадка «психологической усталости» от малодетности нигде в тексте не расшифровывается, остается предположить, что рост уровня жизни повысит саму потребность в детях и, значит, усилит экономические мотивы рождения детей. Однако рост доходов может повысить среднее число рождений лишь за счет улучшения материальных условий реализации потребности в двоих детях, которая лишь и имеется сегодня в регионах страны с низкой рождаемостью.

Рассмотрим в связи с этим результаты бюджетного обследования семей в 1972 г. среди населения республик с низкой рождаемостью.

Таблица 28

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ДОХОДА И ОБРАЗОВАНИЯ В СЕМЬЯХ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Совокупный месячный доход, руб.	Среднее число рождений	Уровень образования			
		высшее и незаконченное высшее	среднее общее и специальное	неполное среднее	начальное и ниже
До 150	1,77	1,83	1,89	1,83	1,62
151—210	1,69	1,54	1,66	1,69	1,74
211—300	1,72	1,54	1,64	1,72	1,84
301—450	1,79	1,55	1,67	1,82	2,06
451—600	1,88	1,53	1,69	1,94	2,31
601—900	1,96	1,57	1,75	2,08	2,50
901 и выше	2,08	1,59	1,88	2,19	2,73

Источник. Сколько детей будет в советской семье, с. 99.

Среднее число рождений колеблется в пределах 1,69—2,08, т. е. в пределах малодетности. Преобладание потребности в двоих детях налицо, как и то, что эта потребность полностью не реализуется ни в одной из групп по доходу, кроме группы с доходом более 901 руб. Прямая связь при этом (если отбросить группу с самым низким доходом) говорит о том, что степень частичной реализации потребности в двоих детях тем выше, чем выше общий доход семьи. Интересно, что в республиках с высокой рождаемостью по этим семи выделенным группам дохода прямая связь не прослеживается — по мере повышения дохода число рождений среди колхозников и работников совхозов соответственно составило 3,88; 4,16; 4,12; 4,21; 4,12; 4,17; 4,22[1]. Здесь потребность в 2 раза выше, чем в малодетных республиках, и варьирует вокруг четырех детей в семье.

Существенное различие в уровнях доходов никак практически не сказывается на степени реализации потребности в детях. Этот факт подтверждает то, что роль дохода в улучшении условий частичной реализации потребности в многодетности перекрывается действием репродуктивных норм, факторов плодовитости и демоструктуры. Факт частичной реализации налицо (среднее число рождений ниже 5,0), и о полном отсутствии внутрисемейного регулирования говорить не приходится.

По данным табл. 28 обратная связь наблюдается между доходом и числом рождений среди имеющих среднее образование и выше, а прямая связь наиболее четко прослеживается в группе с начальным образованием и ниже. Именно группа с самым низким образованием и повлияла на средние показатели. Дело в том, что в брачных когортах вплоть до когорты 1960—1964 гг. вступления в брак доля имеющих начальное образование и ниже составляет в среднем около 50%[2].

Число рождений в группе с начальным образованием колеблется от 1,62 до 2,73, т. е. весьма значительно. В данной группе внесемейные ориентации выражены слабее, и потому наряду с потребностью в двоих детях относительно велика доля имеющих потребность в троих детях. Улучшение материального положения при этом увеличивает степень удовлетворения имеющихся типов потребности в детях. Поэтому увеличение среднего числа рождений никак нельзя объяснить влиянием роста дохода на якобы усиление потребности в детях.

[1] Управление развитием народонаселения в СССР / Под ред. А. Я. Кваши. М., 1977, с. 108—109.

[1] См.: Сколько детей будет в советской семье, с. 96.
[2] Там же, с. 58.

В остальных группировках по образованию можно говорить лишь о реализации потребности в двоих детях. Причем существенное улучшение экономических условий увеличивает реализацию этой потребности максимально до 1,88 в группе со средним образованием и до 1,59 — с высшим. Все эти величины весьма далеки от величины 2,3—2,4, необходимой для простого замещения поколений. Таким образом, рост благосостояния не обещает в группах с высоким образованием даже полной реализации потребности в двоих детях (если допустить, что соотношение имеющих потребность в двоих детях и в одном ребенке останется без изменения).

Каким образом рост общего дохода семьи повышает степень реализации данной потребности в детях? Во-первых, через улучшение материального положения семьи, которое сказывается на всех сторонах жизнедеятельности семьи, в том числе на содержании и воспитании детей. Во-вторых, на сокращении дефицита времени, необходимого для совмещения противоречивых требований к личности — появляется возможность расширить круг бытовых механизмов и машин, используемых в домашнем хозяйстве; увеличивается возможность использования услуг предприятий обслуживания; возможность приобретения более дорогих товаров и тем самым сокращения времени на приобретение покупок. Наконец, рост уровня жизни способствует увеличению вероятности благоприятного исхода беременности и бо́льшего соответствия между числом рожденных и имеющихся детей.

Но если таково влияние роста доходов, чем же тогда объяснить в тех же самых исследованиях (где прямая связь между общим доходом и рождаемостью) появление обратной связи между душевым доходом и числом рождений? Вот, например, сколь отчетлива обратная связь в обследовании 1972 г. между душевым доходом и ожидаемым еще числом рождений в семье (табл. 29).

Душевой доход вообще показывает обратную связь с любыми показателями рождаемости. Далее мы приведем некоторые новые данные, полученные в недавних исследованиях и подтверждающие эту закономерность. Каковы причины этого? Главная причина в следующем. Если обратиться к схеме основной диспозиции репродуктивного поведения (потребность в детях — условия ее реализации — оценка возникающих ситуаций — резуль-

Таблица 29

ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ У РУССКИХ ЖЕНЩИН ПО ГРУППАМ ДОХОДА И В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИМЕЮЩЕГОСЯ ЧИСЛА ДЕТЕЙ

Совокупный доход на члена семьи, руб.	Среднее ожидаемое число детей		
	у однодетных	у двухдетных	у трехдетных
До 35,0	0,57	0,17	0,13
35,1—50,0	0,56	0,13	0,09
50,1—75,0	0,49	0,09	0,07
75,1—100,0	0,43	0,08	0,06
100,1—125,0	0,39	0,07	0,05
125,1 и более	0,39	0,07	0,04

Источник. Сколько детей будет в советской семье, с. 100.

таты поведения), то в случае сопоставления числа рождений с общим доходом (а не душевым) обнаруживается наименьшее воздействие со стороны внесемейных ориентаций и ослабленной потребности в детях.

Душевой доход семьи является результатом деления общего дохода на число членов семьи; в регионах с низкой рождаемостью число членов семьи сильно варьирует в зависимости от числа детей. Само же число детей есть итог взаимодействия условий жизни с уровнем потребности в детях и зависит от психологической оценки складывающихся в семье жизненных ситуаций. Таким образом, среднее число детей в семье зависит и от влияния внесемейных ориентаций и механизма поведения. При сопоставлении с общим доходом семьи это подспудное влияние действует лишь однажды, при сопоставлении с душевым доходом это влияние возводится в квадрат, так как душевой доход есть дробь, где знаменатель содержит то самое число детей, с которым производится сопоставление всей, так сказать, конструкции.

В выборочных исследованиях, таким образом, душевой доход приближается к той роли, которую успешно выполняет показатель уровня образования — косвенно отражать влияние внесемейных ориентаций. Общий доход в этом смысле — гораздо менее «чувствительный» показатель. К тому же, когда в общий доход включается вклад родителей супругов либо родственников, это

повышение может увеличивать среднее число рождений еще и тем, что родители или родственники способны разделить заботы по уходу за детьми, решить проблему дефицита времени.

Наблюдаемые в поперечных анализах отклонения от общих тенденций, порождаемых общим и душевым доходом, могут быть связаны с преобладанием в выборочных совокупностях (по случайным обстоятельствам) характеристик, в большей или меньшей степени отражающих долю внесемейных ориентаций респондентов. Особенно заметно это стечение обстоятельств может заявлять о себе в самых малочисленных группировках — с очень низким и очень высоким доходом. Ярким примером этого является исследование желаемого числа детей («Сколько Вы хотели бы иметь детей?») среди женихов и невест в Киеве, осуществленное Л. В. Чуйко.

Здесь указано в публикации число респондентов в крайних группировках по доходу, и, следовательно, можно видеть, например, что увеличение среднего желаемого числа у невест на 0,01 в самой высокой группе по доходу (при общей тенденции к обратной связи) связано с увеличением на 11% числа желающих иметь двоих детей. Это увеличение обнаружено в группе с числом респондентов, равным 94, где число желающих иметь двоих детей равно 63 индивидам (табл. 30).

Любопытно при этом, что если среди невест установки на двоих детей прямо связаны с ростом душевого дохода, то у женихов наблюдается обратная связь. Видимо, эти незначительные различия отражают более сильные ориентации на семью среди невест, хотя, разумеется, различия среднего желаемого числа в 0,07 говорят лишь об устойчивой потребности в двоих детях у молодоженов. Именно обратная связь установок на третьего ребенка с доходом показывает происшедшее ослабление потребности в детях.

Отклонения от присущих душевому и общему доходу связей с числом рождений могут вызываться также наличием в каждой выборочной совокупности опрашиваемых разных типов потребности в детях. В регионах с низкой рождаемостью (в городах) при преобладающей потребности в двоих детях имеется определенная часть испытывающих потребность в одном ребенке и совсем незначительная доля — в троих детях, но при этом велика доля фактически однодетных семей.

Таблица 30

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНИХОВ И НЕВЕСТ ПО ЖЕЛАЕМОМУ ЧИСЛУ ДЕТЕЙ И ВЕЛИЧИНЕ СРЕДНЕМЕСЯЧНОГО ДУШЕВОГО ДОХОДА, %

Среднемесячный доход, руб.	Количество опрошенных	Число детей, желаемое респондентами					
		0	1	2	3	4 и более	среднее желаемое
				женихи			
До 50	134	18,3	9,2	56,5	15,3	0,7	2,10
До 100	278	17,6	11,2	56,5	13,3	1,4	2,08
100—150	461	19,7	11,7	55,5	9,3	3,8	2,09
Свыше 150	197	22,3	14,7	51,8	8,6	2,6	2,03
Нет ответа об уровне дохода	64	39,1	7,8	43,8	7,8	1,5	2,05
				невесты			
До 50	143	24,5	10,8	52,5	11,5	0,7	2,03
До 70	251	21,9	10,4	55,8	10,8	1,1	2,05
70—120	585	20,9	13,7	56,9	6,5	2,0	1,98
Свыше 120	94	19,1	8,5	68,1	2,1	2,2	1,99
Нет сведений	70	32,9	17,1	32,9	10,0	7,1	2,17

Источник. *Чуйко Л. В.* Браки и разводы, с. 115.

Как известно, рождение первенца практически не зависит от условий жизни семьи, так как первенец не только результат давления социальных норм рождаемости, но и в определенной мере подтверждение того, что брак состоялся. Кроме того, появление третьего ребенка вопреки нормам малодетности и реальному ухудшению условий жизни семьи свидетельствует о каких-то уникальных индивидуальных особенностях репродуктивной мотивации. Все это может «лихорадить» кривую связи дохода с фактическим и ожидаемым числом рождений, хотя именно высокая доля однодетных ведет к сглаживанию различий в рождаемости по доходу, образованию, социальному положению и другим характеристикам на уровне менее двоих детей среди рабочих и служащих и на уровне двоих детей среди всех семей в республиках с низкой рождаемостью[1].

[1] См.: *Сифман Р. И.* Рождаемость и материальная обеспеченность. — В кн.: Рождаемость, с. 89, 92.

Влияние малочисленности опрашиваемых на беспорядочный характер связи между душевым доходом и ожидаемым числом детей наглядно выступает среди имеющих троих детей в Прибалтийских республиках (табл. 31).

Таблица 31

ОЖИДАЕМОЕ ЧИСЛО РОЖДЕНИЙ ПО ГРУППАМ ДОХОДА СРЕДИ ИМЕЮЩИХ ТРОИХ ДЕТЕЙ, 1972 г.

Литовцы, латыши, эстонцы	Среднее число ожидаемых рождений в зависимости от совокупного дохода на члена семьи, руб.					
	до 35	35,1—50	50,1—75	75,1—100	100,1—125	более 125,1
	0,05	0,18	0,14	0,06	0,29	0,13

Источник. Сколько детей будет в советской семье, с. 100.

Если взять трехдетных женщин по стране в целом, то получим незначительную дифференциацию по доходу ожидаемого числа детей. Так, в исследовании 1969 г. в пяти группах, расположенных по росту душевого дохода, величины ожидаемого числа детей составили соответственно 3,45; 3,28; 3,21; 3,26; 3,48[1]. Здесь четко выражена параболическая связь. При одинаковой потребности в четырех и более детях в среднем частичная реализация ее ожидается примерно равной в группах с самым низким и самым высоким доходом. Такая же картина иногда наблюдается по фактическому числу рождений.

Что же нарушило обычную обратную связь, четко обозначенную среди двухдетных и однодетных в данном исследовании? Рост доходов здесь не усиливает экономических мотивов рождения, потребность в детях одинакова, и, значит, все дело в улучшении условий реализации ее в самой высокой группе в сравнении со средней группой по доходу.

В свою очередь в средней группе ожидается детей меньше, чем в самой низкой по доходу в связи с вышеописанной тенденцией усиления внесемейных ориентаций. По-видимому, их усиление в группах с доходом

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 146.

выше среднего перекрывается действием другого обстоятельства. Это усиление не является достаточным для того, чтобы противодействовать оценке достигнутого уровня жизни как весьма высокого. Осознание своей принадлежности к престижной группе с высоким доходом сказывается на более благоприятной оценке сложившихся условий жизни для реализации одинаковой со средней группой по доходу потребности в детях.

В группе с самым низким доходом иное положение дел. Если мы согласимся с тем, что при одинаковой в среднем потребности в детях могут наблюдаться различия в соотношении семейных и внесемейных ориентаций, т. е. различия в шкале ценностей, тогда будут понятны различия в оценке условий жизни семьи. Низкий душевой доход говорит о сравнительно низком уровне внесемейных ориентаций, о более высоком престиже ценности нескольких детей в сопоставлении с другими благами жизни. Ценность появления еще одного ребенка перевешивает возможные при этом «неудобства». Условия жизни расцениваются как благоприятные для рождения, и поэтому степень реализации имеющейся потребности повышается в среднем в этих слоях населения.

Общеизвестно, что одни и те же жизненные условия могут оцениваться по-разному. Например, в ленинградском исследовании рабочей молодежи, проведенном В. А. Ядовым и его коллегами, был обнаружен довольно неожиданный результат. В группах рабочих с сильно выраженной удовлетворенностью заработком и неудовлетворенностью им средняя зарплата оказалась одинаковой — примерно 110 руб. Различие ценностных ориентаций среди высококвалифицированных рабочих и малоквалифицированных вызвало эту противоположность оценок одного и того же заработка[1].

Применительно к репродуктивному поведению это может означать, что одинаковый уровень жизни в семьях с перевесом внесемейных ориентаций приводит к неблагоприятной оценке условий реализации имеющейся потребности в детях, тогда как в семьях с семейными ориентациями — к благоприятной оценке той же самой потребности. Значит, и среди более состоятельных, и среди менее состоятельных могут быть огромные раз-

[1] См.: Человек и его работа. М., 1967, с. 290.

личия по фактическому и ожидаемому числу детей. Однако обратная связь с душевым доходом свидетельствует об усилении внесемейных ориентаций в группах с более высокими доходами. Это подтверждает давние представления экономистов о расходовании населением дополнительных средств, образующихся при росте доходов, не на самые настоятельные вещи, а на более второстепенные, но престижные[1].

Социальные психологи могли бы сказать, что добавки к доходу расходуются на более престижные вещи — наиболее значимые не вообще, а исходя из шкалы ценностей тех социальных групп, к которым принадлежат или хотели бы принадлежать индивиды. Чем менее престижна семья с несколькими детьми, тем вероятнее, что рост доходов даст улучшение возможностей для более полного удовлетворения внесемейных потребностей.

В нашем примере с репродуктивными ожиданиями трехдетных женщин ситуация именно такая при переходе от самой низкой группы по доходу к средней группе. Объективно лучшие условия оцениваются как менее благоприятные для рождения, тогда как объективно худшие условия рассматриваются как вполне приемлемые для этого. Особенно ярко это проявляется при сравнении крайних групп по доходу, где ожидается примерно равное число детей— 3,45—3,48. Абсолютная одинаковость репродуктивных ориентаций в подобном случае наглядно показывает полную непригодность привлечения уровня дохода для объяснения изменений в показателях рождаемости.

Таким образом, обратная связь между душевым доходом и числом рождений отражает то обстоятельство, что каким бы ни был рост доходов сам по себе и как бы ни улучшались условия реализации потребности в детях, все это оказывается недостаточным для оценки семейных условий как благоприятных для рождаемости. Усиление внесемейных ориентаций перекрывает это улучшение даже в самой высокой группе по доходу. Но там, где фактическое и ожидаемое число рождений чуть выше в группе с самым высоким доходом по сравнению

[1] См.: *Струмилин С. Г.* Избр. произведения. М., 1964, т. 3, с. 158.

с предшествующей группой, следует видеть роль улучшения материального положения семьи.

Эта роль заметнее всего обнаруживается при коррелировании общего дохода семьи с показателями рождаемости и сводится лишь к улучшению экономических условий реализации имеющейся потребности в детях. При параболической форме связи душевого дохода и показателей рождаемости сказывается перекрестное действие роста дохода на улучшение условий реализации внесемейных потребностей и на улучшение условий реализации потребности в детях среди имеющих доход выше среднего. Отсутствие какой бы то ни было четко выраженной связи говорит о переплетении нескольких тенденций, четкое выявление роли которых требует строгого контроля множества переменных в рамках теории репродуктивного поведения.

Лучше всего действие внесемейных ориентаций на сокращение рождаемости отображает показатель мобильности семьи и личности по доходу, образованию, социальному положению и т. д., а также интегральный показатель мобильности образа жизни в целом. Когда индивид или семья находятся в состоянии достижения намеченных целей, то показатели фактического и ожидаемого числа рождений ниже, чем в том случае, когда отдельные цели или большинство их уже достигнуты.

Таблица 32

ФАКТИЧЕСКОЕ И ЖЕЛАЕМОЕ ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ МОБИЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН ЛАТВИИ В ОТНОШЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Достигнутый уровень образования	Среднее число детей в семье			
	продолжает учиться		не учится дальше	
	желаемое	фактическое	фактическое	желаемое
Начальное и ниже	1,71	1,50	1,54	1,83
Восьмилетнее	1,69	1,07	1,43	1,83
Среднее	1,65	1,13	1,31	1,73
Высшее	1,79	1,15	1,23	1,70

Источник. *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости. М., 1973, с. 125.

Исследование в Латвии около 13 000 женщин, состоящих в браке с 1959 г., обнаружило дифференциацию фактического и желаемого числа рождений среди тех, кто имеет один и тот же уровень образования, но продолжает учиться либо нет.

Продолжающие учиться женщины (т. е. мобильные) имеют и собираются иметь детей меньше, чем завершившие свое образование и «довольные» достигнутым[1]. Любопытно, что имеющие восьмилетнее образование и продолжающие учиться не только далеко оторвались по всем показателям от немобильных (приближающихся по репродуктивному поведению к группе с начальным образованием), но и продемонстрировали самое низкое число рождений по сравнению со всеми остальными группировками по образованию и по мобильности.

Здесь, по-видимому, самый большой разрыв между тем, к чему стремятся, и оценкой того, что уже есть. Отсюда происходит наименьшая реализация потребности в детях в сравнении с остальными группами при крайне незначительной дифференциации репродуктивных ориентаций от 1,65 до 1,79. Таким образом, в условиях ярко выраженной малодетности вероятность однодетности выше всего в наиболее мобильных группах, а среди них — у тех, кто негативнее всего оценивает достигнутый уровень образования.

Небольшое исследование ленинградских социологов А. В. Баранова и И. В. Полякова показало, что усиление внесемейных ориентаций активизируется в наиболее мобильных по социальному положению группах женщин. При наличии одного ребенка и при имеющейся потребности в двоих детях ориентация женщин на дальнейшее социальное перемещение ведет к оценке складывающихся семейных ситуаций как неблагоприятных для рождения второго ребенка, и поэтому в условиях неэффективности применяемых средств контрацепции вероятность аборта повышается. Однако до появления первенца четкой корреляции между мобильностью и абортами не наблюдается — сильнейшая потребность в ребенке

[1] Опрос, проведенный Центром по изучению народонаселения в 1970 г., показал также, что среднее число детей у завершивших образование составляло 1,07, тогда как у продолжающих учиться — 0,72 при числе детей в среднем по всем 5 тыс. опрошенных — 1,04 (см.: *Таубер Н.* Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974, с. 13).

реализуется «даже при неблагоприятных условиях», поскольку люди действуют «скорее в соответствии со своим пониманием конкретной жизненной ситуации, чем в соответствии с объективными параметрами материальных условий существования вообще»[1].

В исследовании Москва-1976 четко проявилась обратная связь между повышением образования за период брака и числом рожденных детей. Прирост ранга образования равнялся в бездетных семьях 0,632, в однодетных — 0,414, в двухдетных — 0,344 и в трехдетных — 0,262[2]. Результаты исследования 1343 двухдетных москвичек (Москва-1978) показывают, что мобильные по образованию женщины в 2 раза чаще делают аборты (при прочих равных условиях), чем немобильные. По данным опроса 260 женщин в Москве установлено, что делающие аборт при первой беременности в наибольшей степени ориентированы на мобильность по образованию.

Материалы опроса Москва-1976 позволили обнаружить тот факт, что теснее всего связаны с различиями числа детей в семье не сами по себе оценки прошлого, настоящего и будущего образа жизни семьи. Семьи, находящиеся объективно в совершенно разных условиях, оценили свое нынешнее положение одинаково — в пределах 5,3—5,9 балла по 10-балльной шкале, т. е. каждый помещает себя в центр системы координат. Однако разница в оценках прошлого и настоящего, настоящего и будущего сказывается на различии числа детей. В. М. Медков и Н. В. Зверева нашли обратную связь между разностью комплексных оценок настоящего и ожидаемого образа жизни с числом детей в семье и прямую связь между разностью в оценках настоящего и прошлого. По-видимому, на высоких оценках достигнутого положения вещей среди двухдетных и трехдетных сказались ориентации на семью и детей.

Итак, малодетность является результатом взаимодействия противоречивых тенденций. На фоне снижения

[1] *Баранов В. А.* Связь рождаемости с социальной мобильностью. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974, с. 170—171.

[2] См.: *Антонов А. И., Зверева Н. В., Медков В. М.* Влияние социальной мобильности на репродуктивное поведение населения крупного города. — В кн.: Социально-экономические проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов (Тезисы докладов республиканской конференции). Киев, 1977, вып. 4, с. 21.

Таблица 33

ОЦЕНКИ ОБРАЗА ЖИЗНИ СЕМЬИ И ЧИСЛО ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ В ИССЛЕДОВАНИИ МОСКВА-1976

(максимальная оценка — 100 баллов)

Оценки семейного образа жизни	Число детей в семье			
	0	1	2	3
1. При вступлении в брак	50,5	49,6	46,6	50,7
2. На момент опроса	53,7	55,3	59,8	59,8
3. Ожидаемого в будущем	90,5	80,5	83,7	80,7
Разность 2—1	3,2	5,7	13,2	9,1
Разность 3—2	36,8	25,2	23,9	20,9

семейных ролей и престижа среднедетной семьи, на фоне уменьшения отдачи детей и их ценности в глазах родителей, наличие двоих детей и даже одного ребенка оказывается оправданным решением, так как позволяет совместить необходимый уровень содержания и воспитания детей с таким использованием суточного бюджета времени, которое оказывается удобным для достижения всего, что символизирует успех личности в сохранении и укреплении своего социально-экономического положения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Снижение рождаемости в нашей стране происходит в республиках с низкой и высокой рождаемостью, причем в первых — за счет неуклонного уменьшения третьих-четвертых и более очередностей рождений, а в последних — за счет уменьшения пятых и более очередностей. Даже в период 1969—1975 гг. при росте общего коэффициента рождаемости с 17,0 до 18,1‰ в силу компенсационного эффекта половозрастной структуры населения, интенсивность рождаемости характеризовалась не усилением потребности в троих и более детях, а дальнейшим уменьшением третьих и более рождений при увеличении доли первых и вторых рождений.

Таблица 34

РОЖДАЕМОСТЬ ПО ОЧЕРЕДНОСТИ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ У МАТЕРИ

(число родившихся на 1000 населения)

	Год	Всего	в том числе по очередности рождения		
			первым и вторым	третьим и четвертым	пятым и более
СССР	1969	17,0	11,3	3,1	2,6
	1975	18,1	13,4	2,6	2,1
РСФСР	1969	14,2	11,0	2,1	1,1
	1974	15,6	13,2	1,7	0,7
Узбекская ССР	1969	32,8	10,7	8,1	14,0
	1974	34,2	13,9	8,0	12,3

Источник. Народонаселение стран мира, с. 73.

Таким образом, в европейской части страны продолжается распространение малодетности, а в республиках Средней Азии и Азербайджане наблюдается переход к среднедетности. Если в 1960—1961 гг. простое замещение поколений в среднем по стране достигалось рож-

дением третьего ребенка, то в 1969—1970 гг. и вплоть до 1975 г. — уже рождением пятого ребенка, причем среднее число рождений, приходящееся на одну женщину, уменьшилось с 2,799 в 1960—1961 гг. до 2,389 в 1975—1976 гг., т. е. достигло вновь самой минимальной величины, наблюдавшейся лишь в пору наибольшего сокращения рождаемости[1].

На неизменное сохранение в будущем сегодняшних уровней рождаемости и смертности рассчитывать нельзя. Репродуктивное поведение населения будет все более становиться малодетным в республиках с низкой рождаемостью и все менее многодетным в республиках с высокой рождаемостью. Более того, в 80-е годы на эту генеральную тенденцию понижения интенсивности рождаемости наложится действие половозрастной структуры. В наиболее эффективный ныне репродуктивный возраст вступят суженные когорты женщин, родившихся в 60-е годы — годы заметного сокращения рождаемости. Уменьшение репродуктивного контингента женщин наряду с ростом числа умерших (в силу демографического старения населения) приведет к снижению темпов естественного прироста населения, при этом в старшие возрастные группы перейдут многочисленные когорты тех, кто завершил репродуктивное формирование семьи.

Следует учесть, что потенциал демографического роста у нас не так уж и велик, как иногда думают. Вслед за А. Г. Волковым на величину 1,28 (рассчитанную на 1970 г. А. Я. Квашей и Г. П. Киселевой[2]) стали ссылаться и другие авторы. Однако по уточненным расчетам Е. М. Андреева и С. И. Пирожкова этот потенциал составлял лишь 1,098[3]. Поэтому население СССР, при условии неизменности уравновешивающих друг друга уровней рождаемости и смертности, могло бы увеличиться начиная с 1970 г. не на 28%, а всего на 9,8%, т. е. почти в 3 раза меньше.

---

[1] См.: Народонаселение стран мира, с. 74.

[2] См.: *Кваша А. Я., Киселева Г. П.* Влияние возрастной структуры на рост населения СССР. — В кн.: Проблемы народонаселения. М., 1973, с. 40; *Волков А. Г.* О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость, с. 39.

[3] См.: *Андреев Е., Пирожков С.* О потенциале демографического роста. — В кн.: Население и окружающая среда (Народонаселение). М., 1975, с. 65.

При нынешней тенденции сокращения рождаемости нетто-коэффициент воспроизводства населения страны в целом вполне может достичь величины 1,0 на рубеже 2000 г., а в республиках с низкой рождаемостью — опуститься ниже этой границы простого воспроизводства. Если предположить условно, что эта тенденция будет продолжаться, то где-то в 2060 — 2070 гг. может начаться депопуляция. По расчетам В. Н. Архангельского, если исходить из возрастных коэффициентов рождаемости городского населения СССР за 1975—1976 гг. и суммарного коэффициента рождаемости 1,924, то в случае такого понижения величины нетто-коэффициента ниже 1,0 в среднем по стране численность населения будет сокращаться после 2005 г., а существующая половозрастная структура обеспечит прирост населения лишь в течение 35 лет.

Имеются, однако, и другие негативные последствия распространения малодетности. Постарение населения сказывается на росте коэффициентов смертности и на ряде социальных процессов[1]. Рождение и воспитание в малодетной семье способствует в каждом новом поколении закреплению норм однодетности и двухдетности.

Целый ряд неблагоприятных последствий, сказывающихся отчасти уже сегодня, относится к функционированию малодетной семьи в качестве малой группы — изъяны внутрисемейной организации проявляются в психологическом «климате» семьи, в разводимости, в усложнении воспитания детей в неполных семьях и при повторных браках. При этом особые затруднения связаны с воспитанием единственных детей. Имеются также и другие отрицательные последствия снижения рождаемости до малодетности.

По нашему мнению, никаких положительных сторон в этом процессе нет. Поэтому главной целью социального управления рождаемостью нельзя не считать усиление потребности в 3—4 детях. Эта цель вполне отвечает направленности на среднедетность нынешнего течения демографических процессов в республиках с высокой рождаемостью. Вместе с тем социалистическое общество вообще «заинтересовано в расширенном есте-

---

[1] См.: Пожилые люди в нашей стране (Народонаселение. Вып. 19). М., 1977; *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968.

ственном воспроизводстве населения, причем не только на сегодня, но и на историческую перспективу. Этот вывод, — отмечает Д. И. Валентей, — должен лечь в основу выработки мер, предпринимаемых в области естественного движения населения в СССР»[1].

Однако необходимый обществу тип воспроизводства населения не формируется «автоматически», достижение главной цели по усилению потребности в детях требует активизации демографической политики. Нельзя согласиться с такой аргументацией, когда сама необычность и трудность задачи по усилению потребности в детях служит основанием для отказа от выдвижения подобной цели демографической политики. «Поскольку же условия (жизни семьи. — *А. А.*) могут быть изменены ценой значительно меньших затрат и усилий, чем потребности, — пишут социологи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский, — демографическая политика должна быть направлена прежде всего на то, чтобы существующая потребность в детях при своей реализации не ограничивалась и не подавлялась условиями становления и развития семейной общности»[2].

В данном высказывании прослеживается та мысль, будто нынешнее сокращение рождаемости происходит при наличии достаточно «большой» потребности в детях, ограничиваемой какими-то неблагоприятными по своей сути «условиями становления семейной общности». Поэтому и предлагается заняться устранением этих «помех». На самом деле, сведение целей стимулирования рождаемости лишь к улучшению условий реализации установок детности в наилучшем случае повысит вероятность реализации потребности в двоих детях.

В регионах с низкой рождаемостью, как показывают эмпирические данные, преобладает только потребность в двоих детях. Однако улучшение условий для появления второго ребенка в семье при сохранении общей тенденции к усилению внесемейных ориентаций не даст полной реализации существующей потребности. Только задача по усилению потребности в 3—4 детях способна при своем решении изменить структуру ценностных

---

[1] *Валентей Д. И.* Проблемы управления процессами развития народонаселения. — Вопросы философии, 1978, № 2, с. 12.

[2] *Харчев А. Г., Мацковский М. С.* Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 191.

ориентаций и повысить долю двухдетных семей. Заботясь же о меньших затратах и предлагая более легкий путь по улучшению условий рождения лишь второго ребенка, можно добиться одного — израсходовать без всякой пользы для дела отпущенные на такую демографическую политику средства.

Задача управления стихийным развитием потребности семьи в детях крайне сложна. Принципиальная возможность воздействия на усиление потребности не означает быстрых успехов в решении этой задачи. К сожалению, некоторые демографы вообще не признают наличия задачи по усилению потребности в детях, так как считают, что сегодня идеальное число детей (превышающее величину 2,0) выражает потребность в детях, т. е. то, что хотят на самом деле супруги. Такова точка зрения А. Г. Волкова, который специально оговаривает, что воздействие на рождаемость в интересах общества состоит не в побуждении семей рожать детей больше, чем они хотят (т. е. не в усилении потребности в детях. — *А. А.*), «...а, наоборот, сводится к тому, чтобы максимально содействовать удовлетворению социально обусловленной потребности семей в детях, ибо тем самым будут удовлетворены и потребности в них всего общества»[1].

Вся сложность управления рождаемостью сводится к устранению разрыва между тем, сколько хотят и сколько собираются иметь детей, т. е. между идеальным и ожидаемым числом детей. Уверенность в том, что хотят действительно где-то в пределах 2,89 — средней по СССР величине идеального числа на 1969 г., сочетается с верой в легкость поднятия ожидаемого числа 2,42 до этого уровня.

---

[1] *Волков А. Г.* О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость, с. 59.

Нельзя согласиться с тем, что потребность семьи в детях есть одновременно потребность общества в них, и с таким обоснованием этого, когда «социальная» обусловленность потребностей личности и семьи доказывает непротиворечивость личных и семейных интересов с общественными. Потребность в любом числе детей является социально обусловленной, в том числе и в одном ребенке. Однодетность не есть результат произвола супругов, она — результат объективного воздействия социальных факторов. Но это не значит, что объективный характер однодетности и малодетности в целом требует от нас их обязательной положительной оценки (это было бы объективизмом).

Достижение подобной цели демографической политики, по мнению А. Г. Волкова, «в значительной степени... совпадает с общими мероприятиями по повышению благосостояния и улучшению условий жизни населения, проводимыми в нашей стране»[1]. Такого рода взгляды верно оцениваются Д. И. Валентеем и А. Я. Квашей: «...представляется неправомерной точка зрения о том, что демографические процессы являются саморегулирующейся системой и поэтому «все само собой образуется» в ходе развития общества в желаемую сторону»[2].

По нашему мнению, стратегическая цель социального управления рождаемостью заключается в укреплении потребности в трех-четырехдетной семье. Постоянно действующие меры по достижению этой цели предполагают не только улучшение материальных условий среднедетной семьи, но и моральное стимулирование, проведение определенной социально-психологической работы по повышению ценности семьи с несколькими детьми. Надо добиться того, чтобы перестройка функций семьи не вела к усилению внесемейных ориентаций личности.

Необходима комплексная программа, учитывающая интересы семьи на производстве, в сфере обслуживания и в быту. В массе повседневных мелочей должна сквозить забота о благополучии среднедетной семьи. При прочих равных условиях уровень жизни в семье с тремя детьми не должен быть ниже, чем в двухдетной, а в двухдетной — не ниже, чем в однодетной. Этим целям может послужить введение семейных надбавок или пособий при рождении второго, третьего и четвертого ребенка.

Создание женщине возможностей для совмещения

[1] *Волков А. Г.* О необходимости воздействия на рождаемость.— В кн.: Рождаемость, с. 60.

[2] Управление развитием народонаселения в СССР. М., 1977, с. 9. Отвергая идею о тождестве мнений об идеальном числе детей с размерами потребности семьи в детях, следует вместе с тем подчеркнуть факт снижения среднего идеального числа в каждом новом поколении. О перспективе дальнейшего снижения идеального числа говорят прямые сопоставления этих величин за 15—30 лет. Например, в США за период 1936—1972 гг. идеальное число уменьшилось с 3,1 до 2,9, во Франции за 1947—1967 гг. — с 2,9 до 2,7, в Великобритании за 1946—1960 гг. — с 2,8 до 2,1 (*Ware H.* Ideal Family Size. WFS, 1974, N 13, p. 17). По нашей стране нет данных о динамике идеального числа детей, отсюда гипотеза о его неизменности, о сохранении его средней величины в пределах 3,0 тем более нуждается в специальном доказательстве.

семейных и профессиональных ролей должно быть дополнено возможностью вообще оставить работу ради воспитания детей (в исследовании Москва-1978 этот вариант выбрали лишь 9% опрошенных, большинство предпочитает работать неполный день пока дети в детском саду или школе). В связи с этим требуется расширить систему льгот для работниц с тремя-четырьмя детьми в плане дополнительного свободного дня в неделю, более льготного приобретения путевок в дома отдыха и санатории. Перерывы в производственном стаже в связи с воспитанием детей, может быть, следует включить в расчет при начислении пенсии, необходимы дополнительные льготы по пенсионному обеспечению матерей с тремя и более детьми.

Улучшение жилищных условий семей с тремя и более детьми предполагает не только первоочередность предоставления квартир, но и расширение строительства многокомнатных квартир, специально рассчитанных на среднедетную и многодетную семью. Очень важно продумать систему стимулирования рождаемости среди учащейся молодежи — ориентация на завершение образования не должна тормозить, например, реализацию потребности в детях условиями пребывания в общежитиях или условиями организации учебного процесса.

Масса вопросов возникает при определении мер морального характера, направленных на повышение ценности и престижа среднедетной семьи, домашнего хозяйства и семейного уюта, семейных ролей мужчин и женщин, ролей бабушки и дедушки. Создание целого ряда льгот по первоочередности в использовании разных форм общественного обслуживания для членов среднедетных семей — одно из возможных направлений подобной деятельности.

Разработка централизованных мер стимулирования рождаемости в стране с учетом специфики демографической ситуации в разных регионах и с учетом опыта социалистических стран требует усилий со стороны не только демографов, но и других представителей общественных наук. Тем не менее можно не сомневаться, что разработка эффективной демографической политики, названная на XXV съезде КПСС важнейшей задачей целого комплекса наук[1], будет успешно решена советскими учеными.

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENS

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ АНТОНОВ

СОЦИОЛОГИЯ РОЖДАЕМОСТИ

(Теоретические и методологические проблемы)

Рецензенты *Г. М. Романенкова, В. А. Ядов*

Зав. редакцией *В. П. Томин*
Редактор *Л. Л. Щербакова*
Мл. редактор *Е. М. Рудый*
Техн. редактор *Р. Н. Феоктистова*
Корректоры *Т. М. Васильева, И. П. Елкина*
Худ. редактор *Э. А. Смирнов*
Переплет художника *А. М. Савелова*

ИБ № 711

Сдано в набор 5.12.79. Подписано в печать 21.03.80. А10606. Форма 84×108 1/32. Бум. тип. № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. П. л. 8,5. Усл. п. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,99. Тираж 6500 экз Заказ № 1718. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.